

Михаил
СЕРЕГИН

**Государственный
киллер**

Вольный стрелок

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вольный стрелок

Михаил Серегин

Государственный киллер

«Научная книга»

2000

Серегин М. Г.

Государственный киллер / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2000 — (Вольный стрелок)

В спецгруппе «Капелла» их было всего четырнадцать человек. Четырнадцать лучших из лучших. Владимир Свиридов – государственный киллер – был в их числе. Теперь он в отставке. Слишком много за его спиной крови и трупов, чтобы зарабатывать себе на жизнь смертью. Но сорваться с «крючка» не так-то просто. Он оказывается перед выбором: сесть в тюрьму или найти и уничтожить опасного террориста, легендарного Кардинала, человека с сотней лиц и имен. И чем ближе Свиридов приближается к Кардиналу, тем сильнее странное ощущение, будто он... стоит перед зеркалом...

Содержание

Часть 1	5
Пролог с некрологом	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Государственный киллер

Часть 1

Три маски Кардинала

Пролог с некрологом

Профессор Бланк устремил острый взгляд профессионального хирурга экстра-класса на сидящего перед ним человека – молодого мужчину лет около тридцати – тридцати пяти. Мужчина был статен и красив, с великолепно развитой стройной фигурой и классически правильными чертами лица – точеным прямым носом, властным чувственным ртом и высоким лбом под аккуратно зачесанными темно-русыми волосами.

– Не могу понять, зачем вам нужна эта операция, – сказал профессор, – с вас, батенька, скульптуру Аполлона Бельведерского можно делать, а вы зачем-то хотите уродовать лицо скальпелем.

– Александр Моисеевич, – проговорил тот мягко, но в его синих глазах заметался отчужденный огонек бешенства, – я же не спрашиваю у вас, на что вы намерены потратить деньги, которые я вам заплачу за эту операцию.

– Ну хорошо, хорошо. Приходите завтра в восемь...

– Сегодня, – перебил человек с лицом Аполлона Бельведерского, – я уже и так прихожу к вам второй раз. У меня совершенно нет времени.

– Но сегодня я занят, – проговорил профессор Бланк. – Уверяю вас, сегодня это невозможно.

– Я удваиваю сумму, – коротко бросил мужчина.

Бланк заколебался и вытер платочком блестящую от пота лысину: в кабинете было жарко.

– Простите, как вас величать... м-м-м...

– Зовите меня как вам удобно.

Профессор Бланк походил по кабинету под пристальным взглядом клиента, а потом как-то по-цыплячьи подпрыгнул на месте и сказал:

– А вы умеете стоять на своем, Иосиф Давыдович.

– Простите?

– Вы сказали, что мне можно звать вас как заблагорассудится, ну, я и решил звать вас Иосифом Давыдовичем. Просто однажды я должен был оперировать Кобзона, но в последний момент он предпочел московской клинике американскую.

Новоиспеченный «Кобзон» пожал плечами.

– Хорошо, – проговорил профессор Бланк. – Я буду оперировать вас сегодня, но не забудьте, что вы упоминали о двойном тарифе.

...Бланк набрал номер телефона и, дождавшись энергичного «Слушаю!», сказал:

– Он здесь.

– Решил менять внешность?

– Да. Очень спешит. Пообещал заплатить вдвое против стандартной оплаты.

– А что ему эти несколько штук «зеленых», если ему заплатили аванс? По последним данным, миллион. Когда операция?

– Сегодня в тринадцать ноль-ноль.

– Ясно. Благодарю вас, Александр Моисеевич.

...Стрелки настенных часов в операционной уже показывали без пяти час, когда вошел профессор Бланк и энергично огляделся по сторонам. К нему тут же подскочил ассистент и уведомил, что все готово.

– Так... хорошо, – кивнул профессор.

Подготовка к операции была завершена.

Двенадцать пятьдесят шесть – стрелки едва заметно передвинулись.

Несколько рослых парней в омовской униформе, в бронежилетах и с автоматами напелес выскочили из машины и бросились к дверям девятиэтажного клинического корпуса.

– Третий этаж, отделение пластической хирургии, палата триста восемнадцать, – отрывисто бросил майор, командовавший ими. – Осторожно... помните, кого берете! Самого Кардинала!

– Хорошо, что не папу римского, – пробормотал один из бойцов.

Двери больничного комплекса распахнулись, и группа захвата проскользнула в вестибюль и устремилась по коридору по направлению к лифту.

– Зачем это? – спросил «Иосиф Давыдович» в тот момент, когда ассистент доктора Бланка готовился ввести ему наркоз, и кивнул на шприц.

– То есть как это?

– Мне не нужен наркоз, – сказал странный клиент, – я не думаю, что сегодня мне будет больно.

Бланк посмотрел на того с некоторым удивлением, но ничем не выказал своей озадаченности, словно каждый день ему попадались клиенты, которые отказывались от наркоза, мотивируя это тем, что им не будет больно, когда хирург пустит в дело скальпель.

– Вы уверены?

– Совершенно.

Покачав головой, Бланк взял в руку скальпель и медленно поднес его к лицу полулежавшего в операционном кресле человека, при этом бросив быстрый взгляд на часы. Тот, очевидно, перехватил этот взгляд, несмотря на то, что неподвижно, словно бы оцепенело смотрел прямо перед собой, и спросил:

– Который час?

– Ровно час дня.

В то же мгновение пациент взлетел, точно подкинутый распрямившейся в нем неслыханно мощной пружиной, и молниеносным движением выхватил скальпель из руки профессора Бланка. Ассистент так и застыл на месте с выпученными глазами и нелепо отвисшей толстой нижней губой, а второй ассистент завизжал и тут же упал – в его лоб по самую рукоять вошел уже окровавленный скальпель – им доли секунды назад перерезали горло его шефу.

За дверью послышались шаги, и в операционную ворвались вооруженные бойцы группы захвата.

То, что предстало их глазам, заставило отшатнуться даже видавшего виды майора, возглавлявшего захват. На полу в нелепой позе ничком лежал профессор Бланк, и тонкие пальцы его правой руки еще конвульсивно подергивались. Он лежал лицом вниз, и из-под левого виска, прикившего к полу, выбегала еще короткая темная струйка. Под ухом виднелся край свежего надреза: профессору перерезали горло с ловкостью профессионального мясника.

Рядом неподвижно скорчился второй ассистент, а первый оперся коленями на кушетку возле операционного кресла и вытирал кровь с разбитого лица. Очевидно, удар, раскроивший ему переносицу, отшвырнул его к этой кушетке, словно котенка. Это несмотря на то, что ассистент был рослый и плотный мужчина, явно не страдавший от недостатка веса и физической силы.

Окно было разбито, одна створка распахнута настежь, и белые занавески трепетали под порывами холодного мартовского ветра.

– Ушел, эти его мать! – рявкнул майор и подскочил к подоконнику. Прямо под окном, на болезненно-сером весеннем снегу виднелся свежий след. Майор поднял голову и увидел примерно в ста метрах от больницы серую иномарку, к которой подбегала маленькая фигурка в белой больничной рубашке навыпуск.

Один из бойцов СОБРа высунул в окно дуло автомата и дал очередь по убегающему. Тот прыгнул на заднее сиденье машины, и она, взвизгнув, сорвалась с места и исчезла за поворотом.

– Третий этаж... – пробормотал майор и махнул рукой:

– В машину!

Но едва он произнес эти слова, как перед глазами вспыхнуло беззвучное сияние, и он почувствовал, как чудовищная сила подхватывает, вертит и плющит его, как в роторе турбины... а потом в уши вполз негромкий булькающий хлопок, и все кончилось.

Огромный сноп пламени вырвался из окна операционного отделения, и обломки изуродованной стены посыпались на серый снег. А потом на осколок железобетонного блока упало тело майора с наполовину снесенным черепом...

«Вчера в 13. 02. по московскому времени в корпусе клинической больницы ... , отделение пластической хирургии, прогремел взрыв. Погиб доктор медицинских наук, профессор Александр Моисеевич Бланк, а также два его ассистента. Кроме того, от взрыва пострадала вызванная за некоторое время до того опергруппа. Погиб командир группы майор Тесленко, а трое его подчиненных госпитализированы. Медики характеризуют их положение как тяжелое, но стабильное.

По данным, полученным из компетентных источников, к этому теракту причастен находящийся в федеральном розыске Шевченко Антон Григорьевич, в криминальных кругах известный под кличкой Кардинал. Напомним, что этот человек связан с чеченскими бандформированиями и, возможно, имеет отношение к похищениям людей на российско-чеченской границе. Мать Шевченко – чеченка...»

Глава 1

Утро во имя Господа

– «На их происки и бредни... ик!.. сети-и-и есть у нас и бредни-и... и не испортят нам обедни... ик!.. злые происки врагов!» – пропел зычный хриловатый бас из коридора, и в комнату ввалился высоченный бородатый мужчина с помятым, опухшим лицом, красноречиво отражающим последствия пресловутого абстинентного синдрома, широким массам российских любителей спиртосодержащей продукции более известного под наименованием «похмелье».

– Не знаю, как насчет сетей и бредней, а вот обедню ты уже точно испортишь, – сказал Владимир Свиридов, глядя на своего мучимого отходняком друга, – не нам, так своим прихожанам уж наверняка...

Надо сказать, что исполнивший вышеозначенный отрывок из песни Высоцкого отец Велимир, в миру Афанасий Фокин, служил в Воздвиженском соборе, и дневная литургия в этот день вменялась в обязанность именно ему. И надо сказать, что опухшая от вечернего неумеренного пожирания российского национального напитка пастырская физиономия, а также возмутительная нетвердость в движениях и походке, а равно и богомерзкая икота едва ли способствовали бы степенности и торжественности упомянутого церковного действа.

Отец Велимир посмотрел на Свиридова неопределенным, мутным взглядом и вдруг запел густым басом:

– «Это их худые черррти мут... ик! ...ят воду нам в пррррду... ета все прри-и-идумал Черрр... ик!.. чи-и-илль в восемнадцатом году... мы про мины, про пожары сочиняли-и ноту ТАСС... но примчались санитары... ик!.. и зафихсирывали нас!»

Вероятно, этот монолог пациентов психиатрической клиники в исполнении пресвятого отца был вызван утренней информацией об очередных ракетно-бомбовых ударах НАТО по Югославии, к коим тот относился крайне неадекватно и бурно реагировал на каждое подобное сообщение. По крайней мере, именно так квалифицировал его поведение Владимир.

И он оказался прав. Тем более что для таких предположений были все основания, потому как накануне отец Велимир распахивал окно, несмотря на минус три по Цельсию, и орал на весь двор могучим протодиаконским басом: «Свввободу-у-у-у Югославии-и-и-и!»

Затем его бурную реакцию с десятиэтажной бранью и захлебывающимся истерическим смехом вызвали вечерние новости, в которых между сообщениями о новых бомбовых ударах по Югославии с взрывом нефтеперерабатывающего завода и политическом кризисе в России в связи с готовящимся в стане КПРФ импичментом президенту невинно притулился репортаж из США о сбежавшей из фермерского хозяйства корове, нарушавшей общественный порядок и покой американских налогоплательщиков возмутительным мычанием и загрязнением улиц посредством естественных отравлений организма.

Коронной фразой в репортаже следует признать: «Захват коровы был произведен с помощью работников ветеринарных служб, потому что полицейские не смогли призвать к порядку зарвавшееся крупнорогатое сельхозимущество и мотивировали свою неспособность отловить корову тем, что их не учили этому в академии».

Действительно, крупнейший эксцесс... подумаешь, бомбят сербов и убивают албанцев, и ничего, что левые в России открыто призывают к войне, а Европа напоминает пороховой погреб. С точки зрения американского дядюшки Сэма, важнейшим следует признать именно это из ряда вон выходящее событие: сбежавшую корову.

Нет причин сомневаться, что это стало в Штатах репортажем дня.

– Наше НАТО громко плачет, уронило бомбу на Сербию, – сказал Владимир, – так, что ли, Афоня? Не в рифму, зато правда.

– Шаррахнуть бы по ним боеголовками...

– Ядерными, – иронично присовокупил Володя.

– И прямо по Вашингтону! – войдя в раж, прогрохотал отец Велимир, врезав кулаком по журнальному столику и одним глотком препроводив в себя бутылку пива. – Не все ж ихнему Клинтону Монику Левински, понимаешь...

– Ну, ты прямо как коммунист запел, – сказал Владимир. – Только почему это у тебя такие милитаристские настроения проявляются исключительно по пьяни или с бодуна?

Отец Велимир икнул и уставился на Свиридова.

– Напраслину глаголешь, сын мой, – гнусаво сказал он, вероятно, вспомнив о своем сане, – негоже перечить своему духовному отцу.

– Тоже мне светодуховный пастырь, – усмехнулся Владимир. – А кто вчера орал, что с радостью утопил бы половину прихожан и особенно сварливых прихожанок почтенного возраста в крещенской купели?

– Веселие Руси пити есть, – с притворной кротостью потупив глаза, сконфуженно процитировал князя Владимира Красное Солнышко отец Велимир.

– Так оно и есть.

В этот момент прозвучал звонок в дверь. Владимир досадливо поморщился и крикнул:

– Илюха, пойдй открой, там, наверно, к тебе какая-нибудь шала... подружка пришла.

Из своей комнаты вышел заспанный младший брат Владимира Илья в одних семейных трусах и со своим любимым питомцем – мартышкой Наполеоном на руках и недовольно пробурчал:

– Кого это там еще несет?

– Открывай, открывай...

Илья направился в коридор, а Свиридов посмотрел на часы и буркнул:

– Половина восьмого утра, и уже проходной двор какой-то. Я у Илюхи на днях ночевал, так к нему в три часа ночи завалилась пьяная компания и потребовала продолжения банкета. Ну, этот идиот, естественно, согласился. Так они отсюда еще сутки не вылезали – понравилось им, видите ли.

– Да, тут весело, – согласился святой отец, после полутора литров выпитого пива наконец возвративший себе человеческий вид и нормальный тембр голоса. – Он как-то раз попросил меня исповедовать одну его подругу... Грешна она была... Ну так вот, пришел я к Илюхе, эта мымра уже сидит с Илюхой, причем оба пьяные до последней возможности. Он говорит: ну че, давай исповедуй, она как раз до кондиции... аз воздам, господи, помилуй меня, иуду многогрешного! Ну, и только я, знаешь ли, приступил к исповеди, вваливается толпа каких-то ублюдков – уж не знаю, как они попали в квартиру, – и самый жирный, с круглой мордой, хлопбысть мне по шее! Ну, я его и благословил в ответ, так что мало не показалось. Да и остальных нечестивцев... Они все, значит, вповалку, а я выхожу в коридор, а там Илюха сидит с расквашенной харей и смеется.

Свиридов-старший весело захохотал.

– Да погоди ты ржать, – остановил его Фокин. – Это совсем не смешно. Оказывается, эти ребята его сильно достали, и он решил разделаться с ними таким диковинным способом... Покрутился у них перед носом с этой дурой и потом нагло поперся домой и меня пригласил.

– Ты чушь мелешь, пресвятой отец! – довольно бесцеремонно перебил его Владимир. – Ты сам-то трезвый был или тоже в пьянственном недоумении, аки змий зеленый?

– Пропустили с отцом диаконом перед молебном, чтобы голос был гуще и представительнее, по одной...

– ...бутылке, – для вящего эффекта присовокупил Свиридов. – Эх ты, пастырь душ человеческих, е-мое.

В этот момент в комнату вошел Илья и, довольно косо посмотрев на брата, сказал:

– А это к тебе.

– Ко мне? – удивился Свиридов и поглядел на отца Велимира.

– К нему? – эхом откликнулся тот и оттолкнул Наполеона, с редкостным упорством теребящего его окладистую бороду.

Удивление Свиридова и его друга вполне понятно, потому как Владимир не был прописан в квартире своего брата, а имел другое, мало кому известное место постоянного обитания.

– Проходите, Марина Андреевна, – повернувшись, сказал кому-то Илья.

* * *

Марина Андреевна оказалась невысокой полной женщиной лет около сорока пяти, довольно простенько и неброско одетой. Владимир мельком видел ее пару раз, в том числе и в квартире брата, куда та заходила что-то спросить. Она жила в квартире напротив.

Она мелкими шажками прошла в комнату, где отходили от вчерашнего алкогольного безобразия Свиридов и Фокин, нервно отшатнулась от пронесшегося мимо нее с оголтелым гыканьем и верещанием Наполеона, вероятно, обрадовавшегося приходу нового лица, и посмотрела на Владимира. Лицо ее казалось каким-то помертвелым и серым, словно от глубокой усталости. Нет, нельзя сказать, чтобы оно выражало глубокое отчаяние, как о том пространно пишется в велеречивых бульварных изданиях с душком слезовыжимательной сентиментальности. Нет, просто это было лицо смертельно уставшей женщины, которая не спала всю ночь.

– Доброе утро, Марина Андреевна, – произнес Свиридов, – присаживайтесь. Вы хотели видеть меня, не так ли?

– Да... да. – Женщина присела на самый краешек кресла, в котором секундой раньше уже удобно расположился Наполеон, нагло раскинув лапы, но она даже не заметила его.

– Я вас внимательно слушаю, Марина Андреевна.

Она покачала головой и нервно скомкала носовой платок, потом нерешительно взглянула сначала на Свиридова, а затем ее глаза остановились на отце Велимире.

– Это мой друг, – сказал Владимир, – он священник из Воздвиженского собора, и если вы опасаетесь говорить при нем, то напрасно... Ну так в чем дело?

– Вы знаете моего сына, Владимир Антонович? – спросила Марина Андреевна, опустив глаза. – Я пришла из-за него, но если он вам незнаком...

Свиридов кивнул. Он знал сына этой женщины, долговязого добродушного парня, довольно нескладного и в придачу лопоухого, но производящего весьма хорошее впечатление. Он сталкивался с ним пару раз на лестничной клетке, а Илюха даже дружески здоровался, хотя отзывался о нем несколько снисходительно и свысока.

– Все из-за него, – продолжала женщина бесцветным голосом. – Он всегда у меня был каким-то растяпой... Впрочем, с таким именем и фамилией сложно не быть недотепой.

Выглянувший из соседней комнаты Илья при последних словах Марины Андреевны с трудом удержался от того, чтобы не прыснуть от смеха. Вероятно, этот тип вспомнил, как зовут его незадачливого соседа.

– Его, по-моему, зовут Степан... Да? – припомнил Владимир.

– Нет, Семен... Угораздило же нас назвать его так же, как и моего мужа. – Она покачала головой, и ее бледные, ненакрашенные губы искривила горькая усмешка.

– Ну и что? – встрял отец Велимир. – Семен Семеныч – вполне приличное имя. Даже из какого-то кино как будто бы.

Марина Андреевна вздрогнула и снова стала мять в руках носовой платок.

Свиридов улыбнулся, догадавшись о фамилии этой женщины и ее сына. Да, с таким Ф.И.О. в самом деле сложно постоянно не попадать впросак.

– Хорошо, что в нашем городе нет кафе «Плакучая ива», – вполголоса произнес Владимир и покосился на отца Велимира, который преподано ухмылялся, пил пиво, чесал бороду, словно выдирая из нее вшей, и вообще мало походил на духовное лицо.

– Да, мы в самом деле Горбунковы, – сказала Марина Андреевна, подозрительно косясь на благодушствующего священника, которому, по всей видимости, не было никакого дела ни до женщины, ни до проблем ее незадачливого сына. Однако названная фамилия не проскользнула мимо его ушей, он вполголоса хмыкнул и почесал в затылке... впрочем, этого «вполголоса» вполне хватило для того, чтобы вздрогнула люстра, а круживший вокруг нее попугай с характерной кличкой Брателло хрипло каркнул и камнем свалился куда-то в угол.

– Семен Семеныч Горбунков? – переспросил Фокин. – Это что, нарочно?

– Почти... Сема с семидесятого года, а тогда как раз вышел в прокат фильм... «Бриллиантовая рука». Ну, мы с мужем решили, что если назовем его Семеном и он будет таким образом полным тезкой Никулина... то есть этого самого героя... Мы думали, что это принесет ему счастье! – Она вцепилась в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев, и выдохнула: – Вот, принесло!..

– Так что же случилось и почему вы пришли ко мне? – наконец спросил напрямик Свиридов. – Чем я могу вам помочь?

– Он все время переживал, что мало зарабатывает... работал в школе учителем русского языка и литературы. Ну, а куда ему еще после этого самого филфака, будь он неладен?

Марина Андреевна пытливо уставилась на Свиридова, словно тот должен был ответить ей на сакраментальный вопрос: куда податься после окончания филологического факультета университета или, упаси боже, пединститута? Впрочем, хрен редьки не слаще...

– И вот недавно... буквально месяца четыре назад устроился он в какую-то там фирму, я даже толком не знаю, что это такое и чем они там занимаются. Стал приносить в дом деньги, говорил, дальше будет еще лучше... вот и пожалуйста, еще лучше...

Серый лед деланного усталого равнодушия на лице женщины наконец был сломан, и по лицу ее покатались слезы. Правда, она поспешила совладать со своей вполне понятной и простительной слабостью и закрыла лицо руками, а когда отняла их, ее черты снова стали сдержанно-понуры – совсем как тогда, когда она только вошла в комнату.

Свиридов молча ждал, пока она продолжит свой рассказ.

– Позавчера вечером я пришла домой с работы и обнаружила дома незваных гостей. Моя младшая, Оля, пришла домой из института... Они уже стояли и поджидали ее. Сказали, что им нужен Семен и что они подождут его у нас дома. Хорошо, что я пришла... эти подонки уже достали Олю, не знаю, что было бы, приди я на полчаса позже. И один из них, с круглой рожей такой... еще раз сказал, что им нужен Сема и что, если он не придет через десять минут, нам будет плохо. Сказал, что сын задолжал им много денег и что не сносить нам головы, если... Не дождавшись Семена, они ушли, но перед уходом пообещали зайти на следующий день... А тот, который с круглой мордой, сказал, что если мы опять вздумаем шифроваться и рамсовать... я не поняла, что он имел в виду... тогда все, конец.

Она качнула головой и посмотрела почему-то на отца Велимира, который хоть и слушал ее с выражением, не лишенным некоторого интереса, но все-таки куда больше был увлечен поеданием воблы и орешков, которые он запивал пивом из двухлитровой бутылки «Монарх», уже почти пустой.

– Ну и вот... – Она качнула головой, а потом тихо договорила: – А вчера вечером Сема исчез. Не ночевал дома...

– Ну и что? – проговорил Владимир. – Или это, мягко говоря, не в правилах вашего сына?

– Да если бы вы его только знали, – медленно проговорила Марина Андреевна. – Он за всю жизнь не ночевал дома раза три, не больше, и перед этим звонил по пять раз, предупреждал... А вчера вечером... нет, я чувствую, что-то случилось.

Она закрыла лицо руками и наклонилась вперед, почти коснувшись лбом коленей.

– Но чем я могу быть полезен вам, Марина Андреевна? – мягко спросил Свиридов и покосился на переставшего наконец чавкать пресвятого отца Велимира. – Кто посоветовал вам обратиться ко мне?

– Я не знаю... – пробормотала она. – Я не спала всю ночь... а потом подумала, что вы сможете помочь мне лучше милиции... я слышала, что вы служили в спецназе, а теперь работаете частным детективом.

– Ну, все это не совсем соответствует истине, но в целом верно, – уклончиво проговорил Владимир. – Только кто вам все это наговорил?

– Ваш брат... Илья. Он был довольно дружен с моим Семеном, несмотря на некоторую разницу в возрасте... и от него я слышала, что вы...

– М-м-м, – недовольно выдавил Свиридов, покосившись теперь уже на брата. – С этим ясно.

– Ну... что? – Она посмотрела на Владимира с такой тоскливой надеждой, что тот страдальчески поморщился и махнул рукой: дескать, ладно, посмотрим.

– А в какой фирме работает ваш сын? – спросил он. – Неужели вы не знаете даже названия?

– Почему не знаю? «Аметист»...

– «Аметист-М», – раздался из угла мрачный голос Илюхи.

Владимир недоуменно скривил уголок рта и пристально посмотрел на брата. Риелторская фирма «Аметист-М» занималась его собственным квартирным вопросом, который, как то известно из бессмертного произведения Булгакова, испортил не только москвичей, но и прочих граждан на необъятных российских просторах. Тем более что Свиридову по роду его неоднозначной деятельности приходилось менять прописку довольно часто.

– Он работал в «Аметисте»? – переспросил Владимир, еще надеясь на совпадение. – А на какой должности, Марина Андреевна?

– Я не знаю... – пролепетала женщина, – но денег он приносил много... за один месяц заработал больше, чем за предыдущие два года в школе.

Свиридов встал и прошелся по комнате. Потом повернулся к Марине Андреевне и произнес медленно и нарочито отчетливо:

– Возможно, у вас есть некоторый повод для беспокойства, но я не думаю, что с вашим сыном произошло нечто ужасное.

– Хотя в наше богопротивное время ничего не следует допускать заранее, – пробормотал отец Велимир, прожевывая остаток бутерброда, который он соорудил на кухне незадолго до прихода соседки.

Марина Андреевна, оцепенело уставившись в пол, что-то невнятно пробормотала.

– У меня есть каналы, более того, знакомые именно в фирме вашего сына, и я готов навести справки касательно него, – сказал Владимир. – Я думаю, все разрешится в самом скором времени. Будем надеяться на лучшее.

– Но... – растерянно произнесла Марина Андреевна, – наверное, я должна оплатить ваше содействие...

– Мои услуги стоят очень дорого, – сказал Свиридов, – так что не трудитесь поднимать вопрос об оплате. Если будет за что платить, я договорюсь уже с вашим сыном. В разумных пределах, конечно. А теперь идите домой и никому не открывайте. Я сам уведомя вас, когда что-то будет известно.

– Но Оля...

– А что Оля?

– Ей нужно идти в институт.

– Не беда, если она один день и пропустит...

Глава 2 «Семен Семеныч!..»

Фирма «Аметист-М» была одним из наиболее крупных коммерческих предприятий города, занимающихся операциями с недвижимостью, и, надо сказать, весьма солидной и уважаемой. Свиридов был ее своеобразным постоянным клиентом, потому что, как уже упоминалось, ему часто приходилось менять квартиру в целях профилактики и безопасности. До осени прошлого, девяносто восьмого, года он имел дело исключительно с заместителем генерального директора «Аметиста» господином Луньковым Евгением Александровичем, которому всецело доверял, и стоило это доверие очень дорого как в этическом, так и в финансовом эквиваленте. Но после того как Луньков был застрелен на пороге собственной квартиры, Свиридов был вынужден подбирать замену своему безвременно почившему в бозе другу-риелтору.

И подобрал. Новым доверенным лицом его в фирме «Аметист» стал молодой, но уже прожженный специалист Николай Морозов, проверенный сотрудник Лунькова и его доверенное лицо в риелторских махинациях со свиридовской недвижимостью.

Именно ему Свиридов и позвонил сразу после ухода Марины Андреевны.

– Николая Ильича, – бросил он в трубку, когда на том конце прозвучал мелодичный голос секретарши.

– Морозу звонишь? – уточнил Илья.

Владимир сердито посмотрел на брата.

– А с тобой, орел, я еще поговорю.

Илья индифферентно передернул плечами и ушел на кухню, откуда через несколько секунд послышалось какое-то нечленораздельное гнусавое чваканье и хрюканье, а потом на редкость мерзкий голос завопил:

«Сколько раз говорил тебе, баклан, типа не входи в сортир, когда я тут гажу!»

«Точно!» – отрывисто ответил второй голос, еще более отвратительный и гугнивый, чем первый, и отец Велимир встрепенулся и нахмурился, очевидно, впервые услышав диалог из мультипликационного сериала «Beavis & Butt-head», демонстрируемого по каналу MTV.

– Коля, – тем временем проговорил Свиридов, – это Владимир Свиридов говорит. Коля, у вас там работает некий Горбунков Семен Семеныч?

– Угу, – ответил тот, – работает. Только он пошел в ресторан «Плакучая ива». Друг его пригласил... получил премию, знаете ли.

– Только тут одна проблема, – не моргнув глазом, произнес Свиридов, – он малопьющий. Хотя, как говорит наш дорогой шеф... ну, и так далее. В общем, Коля, шутки шутками, а я серьезно.

– И я серьезно, – ответил Морозов, – вчера где-то к концу рабочего дня ему позвонили и пригласили в какой-то ресторан... а, нет, в ночной клуб «Менестрель».

– А ты откуда знаешь?

– Да этот классик советской комедии работает со мной в одном кабинете, так что мне легко проследить, куда это он собрался еще до конца рабочего дня. А зачем тебе этот Горбунков?

– Да тут мать его беспокоится... исчез, дескать, и с концами.

Морозов иронически хмыкнул.

– На работе его тоже нет, – сказал он. – Придется устроить разъяснительно-воспитательное мероприятие, когда явится.

– А ты думаешь, он явится?

– А куда он денется? Не застрелили же его, в самом деле... такого крупного деятеля рынка недвижимости, – протянул Морозов. – Слушай, Володя... извини, у меня тут по другой линии неотложный звонок.

– Значит, ты думаешь, ничего с этим Семен Семенычем не случилось? – механически переспросил Свиридов и тупо почесал в затылке. – М-м-м...

– Да набрался поди и с девкой завалился в номер, да и сейчас там дрыхнет, дармоед. А ты позвони в «Менестрель» да спроси, если так интересно.

– Ладно, отбой, – проворчал Свиридов и положил трубку.

В этот момент в комнату вошел Илья.

– А ты, деятель, откуда знаешь, где работает Горбунков? – подозрительно спросил Свиридов-старший.

– А я его туда и устроил, – беспечно ответил Илья.

– Ты?

– А что тут такого? Через Морозова, которому ты сейчас звонил, и устроил. А что? Семен просил узнать ему насчет какой-нибудь приличной работы... хотя после семнадцатого августа, сам понимаешь... Ну, Морозов пристроил его. А что, он тебе не говорил?

– Нет, – коротко ответил Владимир. – Еще будет он сообщать мне о всяких Горбунковых, да еще Семен Семенычах, которых устраивает на работу мой брат. Сам бы лучше куда устроился попроще, если уж на то пошло!

– А чем тебе не нравится моя работа? – не замедлил огрызнуться Илья.

Работа у младшего Свиридова в самом деле была своеобразная: он трудился манекенщиком в крупнейшем модельном агентстве Поволжья «Sapho», и этот род занятий, который старший почему-то именовал «альтернативным», вызывал некоторые разногласия между братьями.

– Да я ничего... – пожал плечами Владимир.

– Сам-то черт-те чем занимается, е-мое! – продолжал бушевать Илья. – Событьльник – поп, по сравнению с которым самый жуткий гоблин покажется воплощением кротости и смирения...

– Чаво? – раскатился по комнате мощный глас вошедшего с полотенцем в руках отца Велимира, который только что принял душ. – Это о ком это ты тут злословишь, сын мой?

– А что, не так, Афоня? – не унимался Илья. – Кто на днях устроил погром в ночном клубе?.. Пришлось даже губернатору вмешиваться, чтобы замять дело. А кто неделю назад выкинул из окна какого-то несчастного мужа, который не вовремя пришел домой и увидел жену с эдаким бородатым страшилищем? Тоже мне – пастырь!

– Да этаж-то второй был, – заикнулся было пресвятой отец.

– А кто три дня назад отправил в коматоз несчастных «гоблинариев», которые пришли честно набить морду тому, кто уволок у них бабу?

– Так это ж ты и уволок, – начал оправдываться Фокин.

– А морду кто бил?

– Ы-ым...

– К тому же я не священник, – подытожил Илья под хохот старшего брата, который с нескрываемым удовольствием просмотрел это достойное театральной сцены действие.

– Поехали в «Менестрель», позавтракаем в ресторане, – предложил он, перестав наконец смеяться.

– Да ты че? – пробормотал отец Велимир. – Где же это видано – завтракать в ресторане? «Менестрель» закрыт, поди.

– Для нас вряд ли, – самодовольно изрек Свиридов-старший.

– А у тебя деньги-то есть? – встрял Илья.

Свиридов встал с дивана и рассеянно махнул рукой...

* * *

– Завтракать в ресторане, который к тому же закрыт, – признак снобизма и, если уж на то пошло, отдает гордыней, – солидно выговорил отец Велимир и погладил окладистую бороду. – Гордыня же, если вам неизвестно, есть первый из смертных грехов. Именно она стала причиной того...

– ...что сатану низвергли в преисподнюю, – докончил за него Свиридов, захлопывая дверцу своей «БМВ». Он прекрасно знал все присказки своего преподобного друга, в особенности после того, как последний принимал необходимую дозу спиртосодержащей продукции в связи с утренним похмельем и, почувствовав спасительное улучшение самочувствия, начинал благодушествовать и велеречиво разглагольствовать на «богоугодные темы», как он их сам торжественно именовал.

– Кстати, Владимир, – проговорил Илья, – я хотел заехать к тебе забрать свои «компакты» и пару дискет, которые ты у меня взял на день и держишь уже неделю. Ты, надеюсь, живешь все там же?

– После, после, – отмахнулся Фокин, который, очевидно, уже настроился позавтракать в ресторане на халяву. И теперь не собирался отсрочивать это ни на минуту.

– Нет уж, сейчас, – не согласился Илья, – тем более что по пути.

– Да ради бога, – сказал Владимир, – было бы о чем спорить.

Квартира Свиридова – в которую он, к слову, стараниями Морозова переселился буквально месяц тому назад – находилась в новом шестнадцатиэтажном доме недалеко от набережной, естественно, в престижном центральном районе, хотя, откровенно говоря, для него это не играло роли. В отличие от подавляющего большинства жителей города, как состоятельных, так и, мягко говоря, не очень.

Темно-зеленая «БМВ» описала по двору правильную параболу и остановилась напротив второго подъезда.

– Ну че, дуй за своими дисками, – сказал Владимир и бросил брату связку ключей. – Я уж не буду подниматься...

Сказав это, он скрестил руки на груди и уставился прямо перед собой, в сторону третьего подъезда, откуда в данный момент вышла высокая элегантно одетая брюнетка лет двадцати.

– Экая цыпа шкандыляет, – не удержался от восторженного восклицания отец Велимир.

– Священничек, ек-ковалек! – саркастически фыркнул Илья и выскочил из машины.

* * *

– Куда запропастился этот сукин сын? – ворчал Фокин. Досаду его можно было понять, потому что Илья отсутствовал уже около десяти минут, а организму пастыря требовалась дополнительная алкогольно-восстановительная встряска.

Кроме того, аппетит у Афанасия тоже вполне соответствовал габаритам его носителя. И этот аппетит не терпел, когда им пренебрегали хотя бы самое малое время.

– Небось у тебя там опять какая-нибудь жуткая сигнализация поставлена, мимо не проскользнешь? – продолжал ворчать отец Велимир. – Муха не пролетит, а, Вовка?

– Да в том-то и дело, что я еще не успел установить никакой сигнализации, только неделю как новую дверь мне поставили, – ответил Свиридов. – Там открывать-то две секунды... я бы и без ключей открыл, честное слово.

– Что, такая заваливающая дверка? – съязвил святой отец.

– Да нет, я просто такой крутой, – с ударением на слове «я» парировал Владимир. – Но это уже в самом деле становится утомительным.

Он вылез из машины, и в ту же секунду из подъезда вышел человек. Свиридов облегченно вздохнул, потому как по силуэту принял парня за Илью, но через секунду понял, что ошибся.

Свиридов обогнул человека и направился в подъезд, а принятый за Илью парень медленно прошел мимо свиридовской машины и сел на лавочку в десяти метрах от нее.

– погоди, я с тобой, – крикнул вслед своему другу Фокин. – Что-то у меня пиво в мочево- вой пузырь вступило, знаешь ли...

Квартира Свиридова находилась на четвертом этаже. Владимир подошел к новенькой железной двери и постучал, потому как ни домофона, ни просто электрического звонка он еще не установил.

Открыли сразу. На пороге появился Илья и, как-то неловко развернувшись вполборота, пробормотал через плечо:

– Извини... немного задержался.

– Ну, че за дела? – заорал отец Велимир на всю лестничную клетку и ввалился в прихо- жую.

Потом голос пресвятого отца оборвался, и через секунду тишина была снова нарушена грохотом и нецензурной бранью. Потом все затихло так же неожиданно и молниеносно, как и началось.

Свиридов покачал головой и отступил от двери, а потом наклонился и рассмотрел замок полуприкрытой двери. Ну вот, так он и ду...

– Доброе утро, Владимир Антонович, – раздался над ухом незнакомый сочный баритон, и в затылок Свиридова уперлось что-то твердое и малоприятное при тесном контакте. Таким предметом могло быть только дуло пистолета...

«А подкрался ты мастерски, брат, – подумал Свиридов, – я даже не заметил... Конечно, все было бы по-другому, не шуми так в голове и не будь я накануне навеселе. Впрочем, к чему оправдания?..»

Владимир рассмеялся, осознав внезапно, что говорит все это вслух. Может, пора подлечиться?

– Как вы думаете, мне пора показаться психиатру? – сказал он и выпрямился. Потом повернул голову чуть вправо и в полумраке различил черты того самого человека, которого он встретил при входе в подъезд.

– Посмотрим, – ответил тот, – войдите в квартиру.

– РУБОП, что ли? – невозмутимо поинтересовался Свиридов, когда его ввели в прихо- жую, а вышедший из комнаты рослый парень в темном костюме умело обыскал его.

– ФСБ, – последовал краткий ответ.

– А в чем дело?

Безусловно, Свиридов знал за собой не одно деяние, которые по совершенно понятным причинам должны были интересовать Федеральную службу безопасности. Но ни одного такого, которое могло бы быть раскрыто столь скоропостижно. У него были основания считать именно так, и теперь он только гадал, что же понадобилось ФСБ в его новой квартире и каким образом вообще спецслужбы ее нашли.

– А вы не знаете?

Голос был холоден и насмешлив, и по опыту Владимир знал, что такая интонация не сулила ничего хорошего. Впрочем, нельзя сказать, что это его пугало. В своей жизни он попа- дал в куда более сложные и опасные передряги.

Его ввели в гостиную, где в углу дивана уже скорчился бледный как полотно Илюха, а на ковре извивался и время от времени оглашал пространство квартиры нечленораздельной бра- нью отец Велимир с заведенными за спину руками. Священника держали двое оперативников, а третий взял на прицел его затылок.

– Садитесь, – проговорил задержавший Свиридова человек и убрал пистолет, – я подполковник Панин, первый заместитель начальника областного управления ФСБ. У меня к вам есть несколько вопросов, Владимир Антонович.

– Я уже догадался.

Панин проигнорировал иронию, прозвучавшую в голосе Свиридова, но посмотрел на него со сдержанным любопытством. Так смотрят люди, которые видят тебя не в первый раз и по этой причине интересуются тобой вдвойне.

– Вы были знакомы с неким Горбунковым Семеном Семеновичем?

Один из оперативников, несмотря на серьезность ситуации, еле слышно фыркнул, вероятно, сдерживая смех. Потом – очевидно, для разрядки эмоций – пнул носком ботинка Фокина, продолжавшего слабые попытки буйства, и пресвятой отец как-то сразу обмяк и притих.

Свиридов посмотрел в спокойные и уверенные глаза Панина, с сожалением качнул головой и проговорил:

– Значит, с ним все-таки что-то случилось?

– Так вы знакомы с ним?

– Да... то есть нет. Он живет рядом с моим братом, присутствующим здесь. Видел я этого Горбункова раза два или три. А что?

Последний вопрос был задан с откровенной тревогой.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Да и не вспомню даже. Неделю назад, наверное... а может, и месяц. Дело в том, что...

– Погодите, – прервал его Панин. – Значит, вы утверждаете, что были знакомы с Горбунковым?

Свиридов посмотрел на белого как мел Ильюху, и губы его тронула грустная болезненная усмешка.

– Вот видите... вы уже говорите, был ли я знаком с Горбунковым, употребляя при этом прошедшее время. Это свидетельствует о том, что один из нас существует уже только в прошлом. Я пока еще жив, стало быть, это Горбунков... это он существует только в прошлом. И вы думаете, я причастен к этому?

– Думаю, что да, – ответил Панин и поднялся во весь рост. Свиридов полубессознательно отметил, что у этого человека, вероятно, блестящая физическая подготовка, если судить по тому, как он двигается и какая у него фигура. Панин прошелся по комнате, посмотрел на пепельно-бледного Илью, бессмысленно жующего губами, на притихшего отца Велимира, время от времени затравленно подергивающего левой ногой, а потом резко остановился перед Свиридовым и выпалил, словно дал автоматную очередь в упор:

– В таком случае, что же нам прикажете думать, если труп Горбункова обнаружен у вас в квартире?

Нельзя сказать, что это прозвучало как удар грома. Потому что это было и как гром, и как молния с режущим свинцовым дождем в придачу. Владимир покачнулся, почувствовав, как пол отчего-то поплыл у него под ногами, и оперся плечом о стену. Облизнул сухие губы и, с трудом проглотив застрявший в горле колючий ком, выдал из себя какие-то беспомощные и жалкие слова:

– Да ну не... не может такого... как же это так?

– А вот так, – отрезал Панин, – а рядом с ним валяется пистолет, из которого, как показала только что закончившаяся у нас в управлении баллистическая экспертиза, его и застрелили. Но это еще не все.

Подполковник присел на подлокотник дивана, на котором сидел окаменевший от ужаса Илья, и, положив руку на плечо вздрогнувшего парня, добавил:

– На «стволе» есть пальчики, и мы уже установили, кому они принадлежат...

Владимир ошеломленно покачал головой, и фээсбэшник закончил:

– Отпечатки пальцев принадлежат присутствующему здесь человеку... вот этому, – и Панин хлопнул тяжелой ладонью Илью по плечу, – вот этому гражданину, Илье Антоновичу Свиридову.

Илья оцепенел. Даже дрыгающий ногами отец Велимир перестал проводить акции протеста против ущемления гражданских прав и свобод и издал очень своеобразный по тембру звук. Такой, вероятно, издала бы жаба, решившая оставить вокальную школу кваканья и брекекекеканья и начавшая разучивать гаммы коровьего мычания.

– Что-о-о? – наконец проронил Владимир и посмотрел на Панина. – Вы что, принимаете меня за идиота?

– Пока нет, – хладнокровно ответил тот.

– Какой еще труп? Какой пистолет? Я должен увидеть все собственными глазами, а не слушать весь этот вздор на правах новостей дня!

– Я понимаю. Пройдемте.

Панин вышел из гостиной и, пройдя по коридору, вошел в комнату, где располагалась спальня Владимира и где стоял любимый свиридовский компьютер.

У дверей стояла мрачная темная фигура вооруженного сотрудника органов, а на полу белела простыня, под которой прорисовывались очертания неподвижного тела.

– Если вы знали Горбункова, то легко опознаете его, – сказал Панин и отдернул белое покрывало. Взору Свиридова открылось желтое восковое лицо такого неестественного мертвого цвета, что у Владимира на секунду закралась совершенно дурацкая, абсурдная мысль, что это и есть восковая фигура, выполненная по примеру тех, что стоят в музее мадам Тюссо. Он машинально протянул руку и коснулся кончиками пальцев холодной кожи, но еще до этого понял: перед ним действительно Горбунков. Как не узнать эти несообразно большие уши, которые Горбунков довольно удачно маскировал длинными волосами, этот длинный нос и детский подбородок, поросший светлым пушком...

Возле затылка волосы слиплись в темный ржавый ком, а на лоб свисала полузасохшая кровавая сосулька, а дальше, перечеркивая лицо, через переносицу и угол рта, шла темная дорожка засохшей крови.

Свиридов покачал головой, и с его губ сорвалось только одно укоризненное восклицание, ставшее народным благодаря культовому фильму, но в этом восклицании не было снисходительной иронии, как в комедии Гайдая, а только темное, горькое сожаление:

– Семен Семеныч...

– Он лежал здесь, – сказал Панин. – Мы обнаружили его три часа назад. И что прикажете думать, гражданин Свиридов?

– А как вы попали сюда? – деревянным голосом спросил Свиридов. – Кто вас вызвал – соседи? А дверь, конечно, была открыта?

– Вы все рассказали за меня, – проговорил Панин. – А теперь я вынужден арестовать вас и обвинить в соучастии в убийстве.

Свиридов засмеялся звонким истерическим смехом и, встав напротив зеркала, поймал в нем свое перекошенное отражение: у него с некоторых пор появилась коллекция кривых зеркал. Вероятно, тяжело видеть собственное прямое отражение в такие минуты.

Панин пожал плечами: этот ненормальный Свиридов опять начал говорить вслух.

Владимир продолжил истерическую тираду, потом неожиданно хрюкнул и без всякого зримого перехода от нечленораздельного звукового шквала к мало-мальски человеческой речи вдруг сказал ясным и совершенно спокойным голосом:

– Ну что ж, весь состав преступления налицо... убийцы затащили жертву к себе домой, застрелили, а потом ушли, оставив труп в квартире, а дверь – открытой. Бдительные жильцы

почуяли запах криминала и вызвали апостолов правопорядка, а те устроили законную засаду и взяли убийцу с поличным... Ну что, ваша взяла.

– То есть вы признаете свою вину? – насторожился Панин.

– Конечно, признаю. А виноват я в том, что поставил слишком хлипкую дверь.

– Ну, а отпечатки вашего брата? – Панин подошел к Свиридову вплотную, едва не касаясь его лицом. – Это как объясните?

– Я подумаю, – серьезно сказал Свиридов. – А у вас хорошая подготовка, товарищ подполковник... Я имею в виду «физику».

Панин криво улыбнулся.

– А откуда у вас отпечатки пальцев Ильи? – вдруг спросил Владимир.

– Да брали в свое время у него пальчики, – ответил Панин. – На дознании лет этак пять назад... был у него привод, не помню уж за что. Правда, отпустили.

– А сейчас наверстываете упущенное?

– В некотором роде, – холодно ответил Панин.

Свиридов внимательно посмотрел на подполковника и только было открыл рот, чтобы спросить, а откуда это крупный чин ФСБ так хорошо знает все о каком-то мелком правонарушителе, но передумал и направился к двери.

Он вышел в прихожую и услышал дикий вопль Ильи:

– Я не убивал его, мать вашу! Козлы!

Двое парней в черном вытащили в прихожую отчаянно бьющегося в их руках младшего Свиридова, и один из них легонько ткнул его в основание черепа, отчего Илья перегнулся вперед и непременно упал бы, не держи они его так крепко.

Владимир потемнел лицом и сверкнул сузившимися стальными глазами – внезапно мелькнула шальная мысль, что ведь можно на пару с Фокиным разобраться с незваными гостями... Гостей всего четверо, а это не преграда для него, даже если бы он был один. Впрочем, все это мальчишество, ненужная и опасная бравата, но... Что, если эти люди вовсе не те, за кого себя выдают?

– Простите, – сказал Свиридов, – гражданин подполковник, дело в том, что в наше время случаются самые невероятные эксцессы... Одним словом, вас не затруднит показать ваше служебное удостоверение и разрешение на...

– Понятно, – перебил Панин, – прошу вас, Владимир Антонович.

И он сунул «корочки» прямо в нос Владимиру.

– Благодарю вас, – сказал тот, скользнув взглядом по документу, – по всей видимости, вы в управлении безопасности человек новый и я еще не имею чести вас знать. Но почему в таком случае нами занимается ФСБ, а не банальная прокуратура?

– Разве мы не можем помочь угрозыску?..

Глава 3

Задержанные и арестованные

Свиридовых и отца Велимира привезли в трехэтажное серое здание неподалеку от дома, в котором их так неожиданно задержали. Во время езды – а это было минуты три, не больше – Илья старался не смотреть в лицо старшему брату, словно уже одно нелепое обвинение в убийстве запятнало его несмываемым позором и навеки опустило и обесчестило в глазах Владимира. Фокин же и вовсе задремал, быстро проникнувшись полнейшим равнодушием к грядущим мрачным перспективам.

Конечно, Владимир ни на секунду не мог допустить, что Илья виновен в смерти Горбункова, но о полной непричастности брата к этой запутанной и темной истории говорить было рано – существовали кое-какие основания усомниться в этом.

Прежде всего труп Горбункова был обнаружен в новой свиридовской квартире, о местонахождении которой знали люди, которых можно было буквально пересчитать по пальцам одной руки: Илья, отец Велимир, Морозов. Еще там бывала недавняя подруга Владимира по имени Лена или Таня... Он точно не помнил, потому что всегда отличался в отношениях с женщинами так называемой «рассеянностью». Но она была на новой квартире только два раза, да и то изрядно подшофе. К тому же в данный момент она находилась в Египте с очередным воздыхателем и никак не могла способствовать недругам Свиридова в разыскании его резиденции. Более того, она едва ли помнила, кто такой Владимир Свиридов, а уж тем более где находится его квартира... Нельзя же, в конце концов, требовать от короткой девичьей памяти невозможного. Это все равно как настаивать на вечной верности одному мужчине.

Свиридов склонялся к тому, что следы ведут в фирму «Аметист-М», потому как Горбунков работал именно там, а сам Владимир, как уже говорилось, осуществлял с ней свои периодически повторяющиеся операции с недвижимостью.

Конечно, и отец Велимир мог послужить источником информации, особенно если учесть его исключительную непоседливость, болтливость и несомненно редкий дар наживать на свою задницу приключения в такой концентрации, что они грозили переломить ему копчик.

События могли разворачиваться так: некто, то есть человек, пригласивший Горбункова в ресторан «Плаку...» – тьфу ты, то есть, конечно, ресторан при ночном клубе «Менестрель», – ликвидировал своего гостя, причем более расторопно и оперативно, нежели канонические Лелик и Козодоев-Козлодоев. Не исключено, что Горбунков был убит уже в квартире, но это вряд ли, потому что дверь носила следы взлома, и маловероятно, что неизвестный стал бы делать это при Семене Семеновиче. Свиридов мог определенно утверждать, что взлом производил профессионал, потративший на это не более трех минут.

Такие вот дела...

Свиридову не разрешили позвонить, как он ни просил, надеясь на то, что с этим звонком по нужному номеру многие их проблемы ликвидируются. Подполковник Панин наотрез отказал ему в этом.

Их провели длинным уныло-серым коридором и поместили в камеру предварительного заключения. Их – это Фокина и Владимира Свиридова, а Илью отделили от них и, по всей видимости, отправили на допрос.

Но было непонятно, на основании чего арестовали Фокина, потому как если отпечатки пальцев Ильи были на пистолете, из которого застрелили человека и чей труп был обнаружен в квартире Владимира, то причастность отца Велимира к этой темной истории можно проиллюстрировать известной народной схемой «ни в Караганду (а то и похлеще), ни в Красную Армию».

Именно об этом и заговорил пастырь душ человеческих сразу же после водворения его вместе со Свиридовым-старшим в КПЗ, где помимо них сидело еще три багровых бритых морды типичного мелкоуголовного пошиба, а также маленький старичок с хищно поблескивающими стеклами очков. «Типа Лаврентия Павловича Берии», – подумал Владимир.

– ФСБ! – завопил святой отец и гневно пнул только что запертую сержантом конвоя дверь камеры. – А обращаются как черт знает с кем... мусора поганые! Как будто я зэк патентованный, бляха-муха! Всех на хер от церкви отлучу!

Аудитория, доселе внимавшая речам отца Велимира равнодушно, проявила к последней фразе откровенный интерес. Уж очень нетрадиционный вариант главной церковной кары предложил вновь прибывший задержанный.

К Фокину неспешной походкой приблизился среднего роста мужик в потертой серой «адидасовской» толстовке, с вульгарной печаткой на безымянном пальце левой руки и свежим шрамом, косо рассекающим левую бровь. На его широком угрюмом лице плавало выражение презрительного высокомерия, словно он находился не в камере, а в Колонном зале Дома союзов в роли дорогого Леонида Ильича.

– Чего орешь? – коротко спросил он глуховатым, негромким голосом, глядя куда-то мимо отца Велимира.

– А че? – не снижая интенсивности децибелов, прогрохотал Фокин. – Ехали, понимаешь ли, завтракать, а тут вот тебе... убили, дескать, какого-то лоходрома, то есть новопреставленного раба божьего, имя ты его, господи, веши. А я его первый раз вижу!

Из глубины камеры выползли еще двое – молодые парни лет по двадцати пяти – и лениво глянули на разглагольствующего Фокина ничего не выражающими, узкими, как щелочки, глазами. Свиридов сел у стены и почти с интересом покосился на них.

Да... хорошо было бы, если б вот сейчас эта тройка ни с того ни с сего захотела поучить святошу уму-разуму самыми доступными и общенародными способами...

* * *

Илья Свиридов оказался в огромном пустом кабинете, где из мебели стоял только стол у окна, большой сейф и шкафы у правой стены – монументальные, почему-то пыльные, с глухими резными дверцами. Приведший его старшина тотчас же ушел, и младший Свиридов остался один.

Дверь открылась, и вошел подполковник Панин. При виде его Илья подумал, что вообще-то это дело прокуратуры, а не спецслужб – вести допрос. Но свои мысли предпочел оставить при себе.

Панин молча уселся за стол и посмотрел на Свиридова-младшего бесстрастным острым взглядом. Потом положил перед собой какую-то папку и сказал:

– Не думайте, что это допрос. Допрос будет позже. А это... это в некотором роде разъяснительная беседа. Я задам вам несколько вопросов, отвечать на которые, в принципе, необязательно, но желательно... для вас.

Панин так усмехнулся, что Илья уже не сомневался в необходимости отвечать на все вопросы подполковника.

– Илья Антонович, вы понимаете, что дело серьезное, но имеет особенности, мягко говоря, несколько странные. В этих особенностях и кроется для вас определенная надежда.

Илья облизнул пересохшие губы и качнул головой, словно сомневаясь, что надежда эта может приобрести зримые очертания реальности.

– Вы продолжаете утверждать, что не убивали Горбункова?

– Да!

– Хорошо, пусть так. Но вы видели когда-либо этот пистолет?

Перед Ильей лег обычный пистолет системы Макарова. С единственным, но существенным и... роковым отличием: на нем были обнаружены его, Ильи, отпечатки пальцев. Но он совершенно не помнит, когда, при каких обстоятельствах он мог оставить их.

– Я не знаю, – пробормотал Илья, пытаясь честно смотреть в глаза Панину, но тут же трусливо отводя взгляд, как блудливый кот, сожравший не по чину много сметаны прямо под носом у хозяйки.

– Вы в последнее время употребляли спиртные напитки или наркотики? – спокойно спросил подполковник.

Илья растерянно замигал: как истинный патриот своей многострадальной и столь много пьющей родины, он насыщал свой организм спиртным каждый божий день (а как прикажете иначе с такими-то друзьями и собутыльничками, как отец Велимир!), но на наркотики просто не хватало времени и здоровья. И если Панин упирал на то, что Илья мог забыть, будучи пьяным, о факте оставления отпечатков на пистолете, то в принципе он был прав. Потому что Илья не то что пистолета, а и собственного имени не мог вспомнить в ходе недавнего сабантуя по случаю какого-то христианского праздника, за игнорирование которого пресвятой отец Велимир пригрозил отлучением от церкви, адом, преисподней и еще взять денег в долг, что по катастрофичности последствий вполне соответствовало кириенковскому дефолту...

Илья буркнул нечто, долженствующее означать положительный ответ.

– Плохо, – сказал Панин, одобрительно улыбаясь. – Вот видите, вы вполне могли и запомнить. Ну, хорошо. Меня больше интересует другое. Твой брат. Что он за человек? Это я к тому, что у человека, не представляющего никакого интереса, вряд ли по комнатам будут раскиданы трупы Семен Семенычей Горбунковых.

– Владимир? Но он-то вовсе тут ни при чем.

– Вот это-то я и хочу установить, – спокойно проговорил подполковник Панин.

Илья неожиданно для самого себя икнул и уставился в полированную поверхность стола, по которой постукивал тонкий, как у пианиста, палец подполковника Панина.

– Чем он занимается?

– М-м-м, – сказал Илья и понял, что не знает, чем же занимается его родной брат. Вернее, не представляет, что из разноплановой деятельности родственничка интересует компетентные органы. – Он военный в отставке. Воевал в Чечне. Комиссован по ранению.

– Вот как? – улыбнулся Панин, а потом вдруг резко поднялся и совершенно неожиданно для съездившегося, как кролик на сковородке, Ильи перегнулся через стол и прошипел ему прямо в лицо – как растер плевков каблуком на полу:

– Играешься, да? Привык со своими блядами в модельном агентстве выламываться, да? Ты хоть понимаешь, лох поганый, где ты находишься? Что ты мне тут рассказываешь про своего братца сказки для сентиментальных старушек? Бондарук!

Последняя фраза была обращена, разумеется, не к Илье, но тот не был в состоянии понять смысла его слов: он смотрел на разъяренного подполковника ФСБ с таким выражением неподдельного ошеломления и испуга, с каким призывник интеллигентского пошиба смотрит на уставную вошь в комплекте с озоновыводящими портянками.

В кабинет влетел Бондарук, краснощекий лейтенант с веселыми глазами и ехидным лицом, и, чуть ли не с порога оценив ситуацию, предложил:

– Может, его к нашим «ракетчикам» посадим?

Панин поднял на него побелевшее от гнева лицо, и у Ильи мелькнула нелепейшая мысль, что у гражданина начальника не все дома. Но Панин криво усмехнулся и, мгновенно успокоившись, ответил:

– Пойдем проверим, что там эти орлы наработали.

– Какие орлы? – осведомился Бондарук.

Панин покачал головой и кивнул на Илью:

– А с ним была парочка... Увести, – сказал он уже появившемуся молодцу с автоматом. Свиридова-младшего довольно бесцеремонно вытолкнули из кабинета, и Панин спросил:

– А тот... второй... все верно?

– Фокин Афанасий Сергеевич, – ответил Бондарук, – та же самая песня, что и со Свиридовым.

– Приведи-ка ко мне этого... – Панин покрутил в воздухе пальцем и неопределенно посмотрел на лейтенанта, словно сетуя, что тот не подхватывает его мысли на лету.

– Ясно, – Бондарук четко повернулся на каблуках, а потом совсем уж не по-уставному звучно поскреб пятерней щетинистый подбородок и скрылся за дверью.

– Идиот, – пробормотал ему вслед Панин.

* * *

Лейтенант Бондарук в сопровождении двух конвоиров препроводил Илью до камеры, где, по его полным зловонной ехидцы словам, просиживали штаны отец Велимир и Владимир Свиридов.

– Там с ними такие ребята сидят, – словоохотливо распространялся он, – что так просто член в рот не клади. Бывшие кикбоксеры, – хохотнул он, произнеся слово «кикбоксеры» с ударением на втором слоге. – Беседуют с особо дорогими гостями. Такой, значит, у нас метаморфоз, е-мое.

Илья пожал плечами, хотя его откровенно трясло.

– Посмотрим, что у нас там от твоих дружков-братков осталось, – продолжал косноязычно выламываться Бондарук. – А то любят, знаешь ли, мои хлопцы вашего брата правонарушителя, как малоярославская бабка-партизанка двенадцатого года какого-нибудь там французского шершеляфама недобитого.

Лейтенант Бондарук работал явно не по профилю. С особенностями его красноречия и элементами наличного лексикона ему следовало служить не в органах, а сниматься на Одесской киностудии в исторических фильмах в роли председателя сельхозглавначпартактива незалежного радзянскива колхоза «Заветы Виссарионьча»... Весь недолгий путь до камеры он болтал не переставая, всем своим видом и поведением развенчивая миф о солидности и неприступности работника спецслужб.

Поток словесной фекально-эксcrementальной лавины заткнуло, как отрезало шлюзом, как только распахнулась дверь камеры, в которой, согласно предсказаниям Бондарука, должен был обнаружиться разделанный под орех злыми «кикбоксерами» дуэт Свиридов—Фокин.

На нарах преспокойно сидел Владимир и внимательно смотрел на часы, которые он держал перед собой на вытянутой руке. Посреди камеры танцевал на одной ноге один из парней-«кикбоксеров», вторая нога крутилась возле носа стоящего перед знатоком восточных единоборств Фокина. Но вот парадокс: нижняя конечность парня в очередной раз разминулась с благожелательным лицом пастыря. Зато мелькнула молниеносно выброшенная вперед левая рука пресвятого отца, и паренек отлетел в угол, в котором над бездыханным телом второго хлопотал мужик в «адидасовской» толстовке и с печаткой на безымянном пальце.

– Один, два, три, четыре... в общем, нокаутом победил Афоня, – сказал Свиридов и взглянул на секундомер, – за тридцать секунд до окончания второго раунда.

– У-у-у, – пробормотал побежденный и уронил голову на колени мужику в толстовке.

– Это еще что за шлеп-компания? – гаркнул лейтенант Бондарук. – Прррекрратить! Свиридов, на выход!

– Который? – поинтересовался Владимир. – Видите ли, товарищ лейтенант, мой брат находится уже в пределах камеры, и потому...

– Хватит дурачка колбасить! – прервал его Бондарук. – На выход, арестованный Свиридов! Ты, ты!

Владимир пожал плечами, поймав тревожный взгляд брата. Ну что ж, посмотрим, что можно сделать...

Глава 4

Предложение подполковника Панина

Панин даже не шелохнулся, когда Свиридова ввели в его кабинет. Рядом с подполковником сидел какой-то капитан, судя по виду, едва ли состоящий в ФСБ, а всю жизнь промышлявший отловом запойных алкашей и вдохновенной сортировкой их по вытрезвителям и «обезьянникам». При появлении Свиридова Панин небрежно махнул капитану рукой, и тот поспешил ретироваться.

– Садитесь, Владимир Антонович, – любезно кивнул подполковник Свиридову. – Сигареты?

– Спасибо, не курю, – сухо ответил Владимир и бросил на него короткий пристальный взгляд: такая вежливость обещала интригующее продолжение разговора.

Он не ошибся.

– Я поговорил с вашим братом, Владимир Антонович, – почти нараспев проговорил Панин, чуть раскачиваясь на стуле. – Надо сказать, что итоги этого разговора были неутешительны. Нельзя признать ситуацию прояснившейся хоть на йоту.

Панин сделал эффектную паузу, потом встал, обошел стол и встал в метре от Свиридова.

– Будем говорить откровенно, – сказал он. – У меня есть некоторые основания полагать, что вы и ваш брат непричастны к убийству Горбункова. Но таким образом из заурядной «мокрухи» дело превращается в нечто в высшей степени занимательное. Если это сделали не вы, то надо признать существование у вас серьезных недоброжелателей, которые решили насолить вам таким оригинальным образом.

– Ничего оригинального.

– Тем более. Значит, вы утверждаете, что были мало знакомы с убитым?

– Сегодня утром, – проговорил Свиридов, пристально глядя на Панина, – в квартиру к моему брату, где я ночевал, пришла женщина, соседка Ильи. Она попросила меня поспособствовать в поисках сына, который не ночевал дома и не предупредил, а это для него в высшей степени нехарактерно. Эта женщина – мать Горбункова. Жаль, что ее подозрения оказались небеспочвенны.

– Очень интересно, – откликнулся Панин. – А в котором часу она пришла, вы говорите?

– Примерно около половины девятого.

– А в половине девятого труп Горбункова, если судить по пятнам крови на ковре в вашей комнате, уже был в вашей квартире, – откомментировал подполковник. – Очень интересно. Бондарук!

– Так точно, – вполз ленивый отзыв, а вслед за ним появился и сам лейтенант.

– Немедленно доставьте сюда мать убитого... как там ее?

– Марина Андреевна, – откликнулся Владимир.

– Вот именно. А вы не допускаете, Владимир Антонович, что она может быть связана с преступниками?

«Быстро ты поверил в то, что Илья непричастен к смерти Горбункова», – подумал Владимир и, выдержав паузу, ответил:

– Я не знаю. Вряд ли.

Панин еще раз порывисто прошелся по кабинету, потом резко повернулся на каблуках и выговорил мягко, почти вкрадчиво:

– Давайте начистоту, Владимир Антонович. Я осматривал замок входной двери вашей квартиры. Взломан профессионалом высокого класса. Да и вообще... впрочем, не в этом дело. Вы не думаете, что убийство Горбункова связано с вашим прошлым? – Последние слова были

буквально отчеканены. – Именно с вашим, не Ильи, не Горбункова – а именно с вашим прошлым? – повторил подполковник.

Свиридов спокойно взглянул на стоящего перед ним человека и покачал головой:

– О чем вы говорите?

– Вы что, полагаете, что нахождение такого человека, как вы, в пределах области не отслежено компетентными органами? – с легкой усмешкой проговорил Панин, словно недоумевая по поводу такой неожиданной наивности.

– А что такого я совершал в пределах области, чтобы эти компетентные органы, то есть вы, так интересовались моей скромной персоной? – спокойно спросил Владимир.

* * *

Свиридов явно скромничал.

Вся жизнь этого человека представляла одинаково огромный интерес и для правоохранительных органов, и для спецслужб, и даже для высоких государственных инстанций – в зависимости от масштаба деятельности в тот или иной момент его пока довольно короткой тридцатидвухлетней жизни. Не сказать, чтобы с пеленок, но с пятнадцати лет уж точно.

Потому как всю жизнь из него делали человека, способного максимально осложнить существование многим из попадавших на его пути. Обучение в закрытой Высшей школе ГРУ Генштаба, потом – спецгруппа «Капелла», официально готовившая кадры для контрразведки, а на самом деле поставлявшая государству, а конкретно – силовым структурам высококлассных и фактически неуязвимых киллеров. Стажировка на афганской земле, где уже дотлевали последние очаги войны и недалек был тот день, когда генерал Громов выведет советские войска из пределов «дружественного государства». Потом – дикий кавардак позднегорбачевской эпохи, беспредел с начальным переделом собственности. В этом адском вареве работники спецотдела ГРУ, в котором состоял Свиридов, чувствовали себя как рыба в воде – под крылом пошатнувшегося, но еще мощного государственного аппарата – на заказах властных структур. А заказы эти были конкретными, четкими и чрезвычайно ответственными – устранение нежелательных для дальнейшего существования фигур, преимущественно криминал-бизнесменов первой волны, а также персон из других малоприятных категорий – несговорчивых политиков, чересчур часто сующих носы не в свое дело журналистов и репортеров...

«Капеллу» расформировали в конце 1993-го. Вероятно, это было связано с новой ельцинской Конституцией и изменением основных расходных статей бюджета. Впрочем, таких классных специалистов, таких гроссмейстеров смерти никто не собирался отпускать на все четыре стороны. Все четырнадцать офицеров ГРУ, входивших в спецотряд «Капелла», подписали дорогостоящие контракты на ведение боевых действий в Чечне.

...Об этом никто и никогда не скажет определенно, но бывшие государственные киллеры абсолютно точно имели отношение к одному ракетному удару, отозвавшемуся раскатами по всему бывшему Союзу. Пятеро лучших «капелловцев», составивших так называемую «группу смерти», были снабжены новейшей техникой и заброшены далеко в горы, в тыл к чеченцам.

Никто не может сказать совершенно точно, включая самих «смертников», был ли тот ракетный удар нанесен именно ими. Ракетный удар, в огне которого погиб генерал Дудаев. Возможно, те пятеро – среди них был и Владимир Свиридов – знали точно, но никто из них не стал и не станет распространяться на эту тему. И прежде всего – повинуюсь инстинкту самосохранения.

В начале 1994 года Свиридов закончил свою военную карьеру – номинально в связи с ранением – и вернулся на родину, где из родственников у него остался только брат Илья.

Владимир совершенно искренне полагал, что совершил на своем веку слишком много зла, чтобы продолжать зарабатывать себе на жизнь отточенным долгими годами искусством убивать. Не получилось.

С первых же дней пребывания на родине его угораздило связаться с криминальной группировкой, которую возглавлял некий г-н Марков по прозвищу Китобой. Впрочем, у Свиридова не было другого выхода, потому что иначе ему пришлось бы минимум три года гнить в тюрьме. Свободу Владимиру было предложено оплатить кровью человека, которому откровенно не симпатизировал Марков.

Счет был оплачен, и покатилося. Свиридов не сумел уйти с той дороги, по которой его учили идти всю его сознательную жизнь – дороги смерти.

* * *

Панин усмехнулся и проговорил:

– Вот как? То есть вы хотите, чтобы я поверил, что вы вжились в шкуру провинциального обывателя, каковым является каждый мало-мальски законопослушный житель этого городишки?

– Простите?

– Хорошо, подойдем с другой стороны. Владимир Антонович, вам ничего не говорит слово «Капелла»?

Надо отдать Свиридову должное, он достойно выдержал этот удар, нанесенный в лоб. Конечно, ничего криминального в бывшей принадлежности к элитному отделу ГРУ не было, но Свиридов предпочитал скрывать эту деталь личной биографии, впрочем, как и всю биографию в целом.

– А это имеет какое-то значение? – смерив Панина настороженным взглядом, спросил он.

– Да, если я спрашиваю.

– Ну что ж... говорит, – произнес Свиридов. – Или вы хотите услышать что-то еще?

Панин прошелся по комнате, а потом, повернувшись к Владимиру вполборота, сказал деревянным, лишенным каких-либо эмоций, голосом:

– Вы могли бы оказать нам услугу, после которой все нелепые обвинения были бы сняты с вас и вашего брата, а также гражданина Фокина. Вы должны поспособствовать в деле, которое по силам немногим, но вы, бесспорно, входите в их число.

– Кто вам сказал обо мне столько лестных слов? – почти весело поинтересовался Свиридов.

– У нас много источников. Думаю, вам не имеет смысла отрицать, что вы один из той самой «группы смерти», которая после расформирования спецгруппы «Капелла» выполняла особое задание федеральных спецслужб?

Владимир меланхолично пожал плечами, и Панин совершенно справедливо воспринял это как подтверждение своим словам.

– Нам также известно, что ваш друг Афанасий Фокин, который в данную минуту находится в камере предварительного заключения, тоже принимал участие в этой операции, будучи таким же офицером спецотряда «Капелла», как и вы. Его мы тоже намерены привлечь к осуществлению задуманного нами плана.

– Ну хорошо, – сказал Владимир, хлопнув себя рукой по колену. – Говорите по существу, гражданин подполковник. Возможно, мы можем прийти с вами к определенному соглашению.

В самом деле, подумал Владимир, если Панин знает о нем, Свиридове, так много, то что мешает и самому Свиридову узнать кое-что о планах Панина касательно его и Фокина. Тем более что положение было сложным, и улучшить его было не просто. Во всяком случае,

этот Панин с самого начала ведет себя не так, как представитель органов обычно ведет себя с арестованным и явно хочет что-то сказать.

В случае же отказа Свиридова... кто знает, что известно этому вежливому подполковнику ФСБ, не обнаружит ли он еще кое-какую информацию о посткапелловском периоде деятельности Свиридова, некоторых фактов из которой более чем достаточно, чтобы упечь его куда следует лет этак на пятьсот.

Панин одобрительно кивнул головой, а потом сел обратно за стол и произнес:

– Вы слышали о некоем Кардинале? Не католическом священнике, конечно... это такое прозвище в криминальных кругах.

Свиридов на секунду задумался, а потом отрицательно покачал головой:

– Затрудняюсь припомнить.

– Этот человек считается одним из самых опасных террористов на всем пространстве бывшего Союза, – назидательно проговорил Панин. – Настоящая его фамилия, по-видимому, Шевченко, но существует вероятность и других вариантов. Человек с сотней имен, сотней лиц. Утверждается его причастность к двум десяткам терактов в ряде «горячих точек», в том числе в свое время в Боснии и Чечне. Говорят о его связи с экстремистской западноукраинской организацией УНА УНСО и особенно с полевыми командирами чеченских бандформирований. До конца ничего не доказано, за исключением недавнего преступления в московской клинике, приблизительно около двух месяцев тому назад, где Кардиналу должны были сделать очередную пластическую операцию по коррекции лица. Профессор Бланк связался с ФСБ, и в дело вступила группа захвата. Однако Шевченко удалось уйти, при этом он убил Бланка и одного из его ассистентов.

– А, вспомнил, – сказал Свиридов, – я читал что-то об этом в Internetе. Там еще все кончилось взрывом, при котором погиб начальник группы захвата.

– Майор Тесленко, – подтвердил Панин, – все верно. Но этот прокол с Бланком послужил отправной точкой, той ниточкой, за которую ухватились, чтобы распутать клубок его преступлений. Удалось выяснить, что он готовит взрыв военного завода химического и бактериологического оружия в нашей области. Понятно, к каким последствиям это приведет в масштабах всей страны, не говоря уж о нашем несчастном городе.

– Завод в Ельхове? – уточнил Свиридов. – Это примерно в восьмидесяти километрах от города.

– Вот именно. Этот теракт, как нам удалось узнать, запланирован на завтра.

Панин пристально посмотрел на Владимира и сказал:

– Вот почему к операции захвата Кардинала мы хотели бы привлечь вас и Фокина, тем более что вы прошли такую школу, о которой всем нам приходится только мечтать.

– Нашли о чем мечтать, – пробормотал Владимир. – А если мы согласимся, что от того будем иметь?

– Дело с убийством Горбункова будет закрыто. В отношении вас и вашего брата, разумеется. Я думаю, этого достаточно?

Свиридов потер подбородок и исподлобья взглянул на Панина:

– А вы полагаете, я могу решить этот вопрос без Фокина и Ильи? Пригласите их сюда для разнообразия, что ли.

– Бондару-у-ук!

* * *

Разумеется, перепуганный Илья с радостью ухватился за такую неожиданную и оттого вдвойне желанную возможность прекратить весь этот кошмар. Он так жалобно и умильно

смотрел попеременно то на брата, то на отца Велимира, что последний не выдержал и махнул рукой:

– Ну что... я согласен тряхнуть стариной! Но только, гражданин начальник, все это должно находиться в строжайшем секрете... Я же в конце концов – духовное лицо.

– Разумеется, – кивнул Панин с неподражаемо серьезным лицом.

– Одного я не пойму, – продолжал отец Велимир, – а именно: откуда вы раскопали, что мы со Свиридовым бывшие офицеры ГРУ и тем более участники особой операции в Чечне? Она же жестко засекречена. Или вы знаете даже, в чем состояла эта операция?

Панин улыбнулся еле заметной строгой улыбкой.

– Это несущественно, – сказал он, определенно уходя от прямого ответа. – Я очень рад, что мне удалось привлечь к нашей работе таких специалистов, как вы.

– Не торопите события, подполковник, – остановил его Владимир, – мы еще не договорились. Прежде всего стоит сказать, что, если такая договоренность будет достигнута, наше дальнейшее нахождение в камере этого милого здания становится излишним.

– Это справедливо.

– Кроме того, раз мы партнеры, то я предлагаю довести до сведения меня и Фокина ту информацию, которую вы получили о готовящейся террористической акции Кардинала.

Панин постучал пальцем по столу, по его лицу промелькнуло сомнение.

– Информация очень важная, – сказал он. – Записи телефонных разговоров, полученные по секретным каналам буквально несколько часов назад, и досье на Кардинала находятся в сейфе вице-мэра города, курирующего силовые структуры, Андрея Дмитриевича Козенко. Если это возможно, мы можем направиться прямо к нему.

– Я думаю, так будет лучше, – откликнулся Свиридов-старший, откинувшись на спинку стула.

– Бондарук, машину к выходу, – коротко приказал вошедшему лейтенанту подполковник. И, взяв трубку телефона для звонка вице-мэру, бросил пристальный взгляд на Свиридова, который, полуприкрыв веками глаза, небрежно болтал ногой, развалившись на стуле в свободной позе...

Глава 5

«Кардинальные» меры вице-мэра Козенко

Андрей Дмитриевич оказался среднего роста мужчиной лет сорока, весьма худым для своего возраста и особенно для занимаемого положения, с длинным хитрым лицом и небольшими темно-серыми пронизательными глазами. Он принял Панина в сопровождении Фокина и Свиридова (Илью отправили домой и настрого запретили выходить из квартиры без надлежащей санкции) запросто, с лицом, преисполненным куда меньшей важности, нежели у секретарши в его приемной. Эта дама пыталась держаться свысока даже с Паниным и всячески старалась продемонстрировать свою значимость, делая величавые жесты и сопровождая это ледяным великосветским тоном при выражении в стиле «роль личности в истории» на хорошенькой физиономии.

Отец Велимир подумал, что у нее достаточно впечатляющие фрагменты фигуры, чтобы утруждать себя разговорами, да еще так амбициозно. Он открыл было рот, чтобы, вероятно, обнаружить все эти замечательные мысли, но Свиридов, предупреждая эту возможность, толкнул его в спину.

– А, Панин! – воскликнул Козенко, пожимая руку первому заму руководителя ФСБ области с такой экспансивностью, словно он не разговаривал с подполковником по телефону двадцать минут назад и не видел по меньшей мере несколько лет. – Это и есть твои орлы? Присаживайтесь, ребята.

– А вы разве не в курсе планов товарища подполковника? – ввернул Свиридов, плюхаясь на роскошный черный кожаный диван вслед за отцом Велимиром, едва не раздавившим казенную мебель своей стотридцатикилограммовой тушей.

– Почему вы так решили? – с улыбкой поинтересовался Козенко.

– Потому что вы спрашиваете, те ли мы люди, – ответил Свиридов. – Ладно... простите, Андрей Дмитриевич, это было маленькое лирическое отступление.

Несмотря на свой довольно легкомысленный вид, Козенко, по всей видимости, был человеком дела, потому что, не тратя времени на дальнейшие разговоры, полез в огромный сейф в углу кабинета и вынул оттуда тонкую серую папку. – Досье на Шевченко, – сказал он и протянул ее Панину. – То же самое есть и в компьютере, но я предпочитаю работать с документами в такой форме.

– Разрешите взглянуть. – Не дожидаясь ответа, Свиридов взял документы из рук подполковника ФСБ и раскрыл папку. На первой странице красовалась цветная фотография импозантного шатена лет тридцати—тридцати трех, с тонкими чертами красивого лица и открытой веселой улыбкой.

– М-м-м... это он?

– Не похож на террориста международного значения, правда? – усмехнулся Козенко.

– Это верно. Так... тут на него негусто. Общие слова... похищение... взрыв в аэропорту... участие в боевых действиях в Боснии. Так... а это кто?

Перевернув несколько страниц досье, Владимир наткнулся на фотографию второго красавчика – коротко стриженного брюнета, сильно смахивающего на Алека Болдуина и ни в малейшей степени – на человека, изображенного на первой фотографии.

Панин скептически улыбнулся и перевел взгляд с озадаченного Свиридова на беззаботно ухмыляющегося отца Велимира, которого все происходящее, по всей видимости, забавляло – в том числе и потому, что он успел приложиться к благодатной фляжке с превосходным коньяком, которую он всегда носил с собой.

– Это тоже он, – сказал фээсбэшник и, перехватив у Свиридова досье, перелистнул несколько страниц и показал на красивого блондина со стильной прической под звезду английского футбола Дэвида Бэхэма:

– И это тоже он.

– Ловко, – проговорил Свиридов, – только думает ли господин Шевченко о том, что от такой частой смены обличья его может постигнуть судьба Майкла Джексона, у которого уже сейчас нос сильно смахивает на квелый огурец, а физиономию словно посыпали порошком против тараканов?

– Спросите об этом его самого, – сказал Козенко и посмотрел на Панина, – надеюсь, что у вас будет завтра такая возможность. Конечно, если операция удастся, а я надеюсь, что это так и случится. Особенно если хотя бы половина того, что говорил мне о вас Панин, правда. Старые союзные спецслужбы всегда вызывали у меня уважение. А достаточно молодые ветераны этих спецслужб – тем более.

Последующие два часа Свиридов и Фокин посвятили изучению всей информации, которая долгое время собиралась о Кардинале. Правда, для этого они задействовали компьютер, который сиротливо стоял на столе вице-мэра с заваленной кипами бумаг клавиатурой.

– Да... – неожиданно заговорил Козенко, – а как это могло случиться, что в твоей квартире, Володя, нашли труп этого самого... риелтора?

Андрей Дмитриевич был человеком словоохотливым и коммуникабельным – сказывалась журналистская юность – и потому уже успел перейти на «ты». Но эта любезная и дружеская фамильярность не умаляла опасной сущности заданного вице-мэром вопроса.

Фокин оторвался от экрана и впился тревожным взглядом в невозмутимо улыбающееся лицо Козенко. Свиридов открыл было рот, но Андрей Дмитриевич, как натура экспансивная, предупредил его вопрос восклицанием:

– Я же вас спрашиваю, Панин... в конце-то концов!

Подполковник, меланхолично листавший досье Кардинала, качнул головой и в тон своему шефу ответил:

– Расследуем, Андрей Дмитриевич. Дело достаточно темное, и не стоит спешить с постановкой акцентов.

Риторика Панина показалась Свиридову несколько странной, более того, она содержала в себе какую-то недоговоренность, скрытый смысл...

– Андрей Дмитриевич, – сказал он, – возможно, вы не совсем представляете себе ситуацию. Дело в том, что...

Козенко взмахнул рукой и весело рассмеялся чуть хрипловато, обрывая слова Свиридова. Потом шагнул к своему рабочему столу, за которым в данный момент сидели Фокин и Свиридов, и произнес:

– Мне прекрасно известны обстоятельства, при которых вы дали свое согласие оказать посильный вклад в операцию по захвату Кардинала. И очень жаль, что это согласие получено ценой такого жестокого стечения обстоятельств.

– То есть у вас давно была мысль... – начал было Фокин, но посмотрел на холодное лицо Свиридова и осекся.

– План операции возник только вчера вечером, – сумрачно сказал Панин. – Мысль задействовать в операции бывших профессионалов «Капеллы» пришла мне в голову только после того, как вас водворили в камеру.

– Значит, так, – Козенко энергично прошелся по комнате и повернулся к Свиридову и Фокину, – я не сомневаюсь, что вы во многом сохранили свою форму, но, надеюсь, что одна – последняя – проверка вам не помешает?

– Это совершенно излишне, – откликнулся с дивана Панин. Свиридов смерил подполковника несколько удивленным взглядом и ответил вице-мэру:

– Я рад, что подполковник Панин столь высокого мнения обо мне и моем товарище, но то, что вы предложили, Андрей Дмитриевич, совершенно необходимо. Неизвестно, в какой степени мы сохранили форму, хотя всячески... особенно отец Велимир, – и Владимир, иронически усмехнувшись, посмотрел в сторону что-то перманентно жующего Фокина, – старались эту форму поддерживать.

– Вот и прекрасно, – негромко сказал Козенко, а лицо Панина передернула короткая и кривая, как гримаса, насмешливая улыбка...

* * *

«Последняя проверка» вице-мэра Козенко вовсе не заслуживала такого скромного наименования. Особенно если учесть, в какой компании происходила эта физкультурминка, как еще более уничтожающе поименовал это действие подполковник Панин. Здоровенные спецназовцы из СОБРа отдела по борьбе с организованной преступностью и послужили тем «разминочным» материалом, на котором отец Велимир и его сотоварищ Свиридов должны были отрабатывать боевые навыки.

Правда, сначала вице-мэр приказал устроить целые «тараканы бега», по выражению все того же Панина. Собственно «бегов» было не так много, зато в избытке наличествовал демонтаж полдесятка кирпичей, уложенных один на другой, ударом бритой головы, разбивание толстенных досок посредством кулака и меткое засаживание пуль в кувырке через себя в махонький щит для показательных стрельб.

Стоявший в окружении телохранителей Козенко довольно гмыкал, зато находящийся чуть поодаль Панин отчего-то страдальчески морщился и презрительно кривил губы.

– Вот такие у нас в области ребята! – поворачиваясь к Свиридову и Фокину, вполголоса произнес Козенко. – Региональная школа тоже не лыком шита... не только в Москве делают бойцов.

Фокин туманно посмотрел куда-то вбок, туда, где в вальяжной позе, отставив правую ногу и уткнув руки в бока, стоял рослый коротко стриженный блондин в камуфляже и с передатчиком. Увидев его, пресвятой отец фыркнул и, довольно чувствительно ткнув под ребра Свиридова, проговорил громким шепотом, который разнесся далеко вокруг:

– Гляди вот на того молодца...

– Это капитан Купцов, командир отряда, – сказал бесшумно возникший за спиной Фокина подполковник Панин. – Он вам знаком?

– М-м-м... – пробормотал Афанасий, морща лоб, – не вспомню, где же я его видел.

– Купцов, – окликнул капитана внимательно прислушивавшийся к разговору Козенко, – подойди сюда. Купцов, вот этот парень утверждает, что твои ребята очень неплохи, но что он видел на своем веку и получше. Например, себя самого.

На лице капитана мелькнуло выражение уставного недоумения, потом мыслительные потуги тяжело, как каток асфальтоукладчика, проползли по его квадратному мужественному лицу, и он отчеканил, чуть раздвинув тонкие губы:

– Вы из спецназа?

– Можно сказать и так, – буркнул отец Велимир, недовольно косясь на Козенко: чего это он наговорил такого?

– Купцов, попробуй с ним спарринг, – кивнул на Фокина вице-мэр.

Купцов отдал рацию одному из своих подчиненных и четко шагнул в сторону Фокина, приняв боевую стойку. Отец Велимир коротко передернул атлетическими плечами и двинулся к нему навстречу.

– Афоня, ты полегче с капитаном, – не удержался от саркастического замечания Свиридов, – все-таки ценный сотрудник, а ты человек увлекающийся.

Купцов выбросил вперед руку, намереваясь применить прием с захватом. Это ему удалось, и последующее было малоразлично даже для тренированного глаза: в воздухе мелькнули два тела – одно в зеленом, другое в черной джинсе, – переплетенные руки – и все потонуло в облаке пыли, вспорхнувшей с серого асфальта после того, как Купцов и Фокин рухнули на него. Конечной стадией короткой, как взблеск кинжала, схватки стала крепко прижатая к земле небритая щека Фокина с завернутой за спину рукой, и его полупридушенный вопль:

– Вспомнил!

Козенко разочарованно вздохнул и махнул рукой. Потом перевел недоуменный взгляд на Панина, и тот медленно, с длинной иронической улыбкой, покачал головой.

– Чего вспомнил? – спросил Свиридов среди общего молчания, нарушаемого глубоким дыханием капитана Купцова – вероятно, ему было нелегко удерживать Фокина в зафиксированном положении.

Несмотря на потуги Купцова, Фокин приподнял голову, оторвал щеку от грязного асфальта и раздельно, хоть и довольно сумбурно, выдавил:

– Вспомнил, где я видел этого милого человека...

С последним словом капитан Купцов взлетел в воздух, словно подкинутый могучей пружиной и, перекувырнувшись, мягко шмякнулся спиной о землю. Возможно, он тут же сориентировался бы и поддержал поставленный на карту профессиональный престиж, если бы не одно «но». Этим «но» оказалась огромная туша отца Велимира, которая с непостижимой быстротой поменяла дислокацию и придавила спецназовца так основательно, что малейших шансов на то, чтобы вывернуться, как только что сделал сам Фокин, у того не было.

– Вспомнил, – повторил Фокин, не выпуская Купцова из своих медвежьих тисков, – я его видел в каком-то кабаке... да, в «Менестреле» на прошлой неделе, где он, грешным делом, поцарапал мне щеку и ушиб руку.

– А ты ему? – машинально спросил оторопевший от быстрой смены событий Козенко.

– Я ему? – Отец Велимир потер лоб. – Я ему, кажется... не знаю, он упал куда-то в угол, и я его больше не видел. А вот с ним были еще два парня... здоррровые, скажу я вам!.. Одному я, кажется, сломал руку, а другого просто в коматоз...

Свиридов звонко захохотал, показывая ровные белые зубы, и воскликнул сквозь смех:

– Да это тоже наверняка спецназ, преподобная твоя башка! Отвязывались парни, а ты им преподнес, понимаешь, отеческое благословение, иже еси на небеси!

Фокин виновато пожал плечами и поднялся с лежащего ничком капитана под несколько принужденный хохот Козенко и сардонический смешок Панина.

– Не стоит переводить попусту людей, Андрей Дмитриевич, – откликнулся последний. – Хорошо, если у Купцова все в порядке... в таких дружеских объятиях и перекинуться недолго. Я же знаю, кого рекомендую, – понизив голос, добавил он, и Свиридов еще раз смерил его коротким настороженным взглядом исподлобья.

* * *

Разумеется, всякие сомнения в компетентности и высоком классе бывших «капелловцев» отпали, особенно после того, как Свиридов показал кое-какие навыки в стрельбе. Правда, применительно не к огнестрельному оружию. Вице-мэр затеял турнир по пэйнтболу (к сведению не имеющих представления об этом весьма забавном виде спорта: пэйнтбол – это стрельба красящими шариками из специальных пистолетов). Он организовал две команды, в одной из которых было пятеро спецназовцев во главе с капитаном Купцовым, а в другой – Свиридов, Фокин, Панин и пожелавший принять участие в игре Козенко. Нет смысла описывать условия и подробности всего происшедшего далее действия, замечу лишь, что все пятеро рубоповцев

были «убиты», то бишь помечены краской от прямого попадания шариков, между тем как из команды противника выбыли только Фокин и, разумеется, вице-мэр.

После удачного завершения игры Владимир пожал руку подполковнику Панину и спросил:

– А где это вы набрали такую прекрасную форму, товарищ подполковник?

– Ничего особенного.

– Не скажите... я полагаю, очень сложно найти подполковника ФСБ, который перепрыгивает через двухметровую преграду спиной к ней и в полете укладывает двух не самых плохо подготовленных ребят, а потом...

– Ну, ну, – вступил в разговор подошедший Андрей Дмитриевич, – не стоит скромничать, Володя. Оставшихся троих уложил ведь ты.

* * *

– Теперь нужно зайти к Марине Андреевне, – сказал Свиридов, когда лейтенант Бондарук по приказанию подполковника Панина повез их на квартиру, где уже сидел предположительно умирающий от сомнения, нетерпения и страха Илья.

– Да мне же в храм... – заскулил было пресвятой отец, уже настроившийся на откровенно минорный лад в связи с тем, что давно миновало время обеда, а он не ощутил в желудке ничего похожего даже на утреннюю порцию питательных веществ.

– Какой, к черту, храм? – бесцеремонно перебил его Владимир. – Позвони своему епископу или кто там у тебя прихват в этой богадельне... Скажи, что тяжко занемог, будучи пресуществлен из здорового духом и брюхом в страждущего исцеления...

Фокин гмыкнул.

– А ну его на самом деле, – буркнул он. – Только вот что... у тебя водка есть? А то всухую потреблять пищу – великий грех.

...Дверь квартиры Марины Андреевны открыла миловидная девушка лет девятнадцати, с несколько неправильными чертами бледного лица, но зато с губами и фигурой фотомодели. «Интересно, – сказал про себя Владимир, – как же это я проморгал наличие на одной площадке с Илюхой такого божьего создания?»

– Я же сказал, никому не открывать, – с места в карьер начал он.

– А я посмотрела в глазок, – глядя на Свиридова в упор, ответила девушка. – Мама сказала, что вы должны прийти. Проходите.

– Вы – Оля? – уточнил Владимир и прошел в прихожую. – А где Марина Андреевна? – Он заглянул в комнату напротив, и она оказалась пустой. – Она должна быть дома...

– А разве ее нет? – удивилась девушка. – Ма-ама-а!

Никто не отозвался.

– Странно, – комично сморщив чуть вздернутый нос, проговорила Оля, – по крайней мере, час назад она была дома. Я легла... пыталась вздремнуть. Конечно, какой тут сон, но я могла и не заметить, как она ушла.

– Подождем, – хладнокровно сказал Свиридов. – Разрешите, я тут посижу?

– Да-да, конечно, располагайтесь, – ответила Оля. – Что вам принести... чай? Кофе?

Свиридов, который был зверски голоден, предпочел все-таки промолчать об этом факте и остановился на кофе.

– Семен все еще не явился, – проговорила Оля, разглядывая его в упор большими, чуть выпуклыми темно-синими глазами, в которых определенно светилась тревога. – Вы что-нибудь узнали?

...Эта тревога, как слой серой пыли, мутной бледностью лежала на ее тонком серьезном лице, проскальзывала в движениях изогнутых бровей и нервном, конвульсивном поглаживании подбородка пальцами левой руки. Она определенно не находила себе места.

Свиридов не колебался ни секунды, когда из его губ почти помимо воли выскользнуло:

– Нет... еще нет. Но кое-что прояснилось... скажем так, начало проясняться.

– Скажите... простите, не помню вашего имени... с ним ничего не случилось? Есть надежда?

– Надежда должна быть всегда, – фальшиво ответил Владимир. – Но куда же могла деться Марина Андреевна? Когда вы видели ее сегодня в последний раз?

– Последний раз, – машинально повторила Оля, а потом в ее горле что-то сухо хрипнуло, и она склонила лицо к коленям.

– Успокойтесь, ради бога, – произнес Свиридов, отставляя кофе и пересаживаясь из кресла на диван к Оле, – не надо... не надо так волноваться, особенно если все не так плохо...

Ему показалось, что прозвучало все это довольно жалко – сложно успокаивать, держа в себе болезненно саднящую ложь – и еще предчувствие, что отсутствие Марины Андреевны... не случайно и вовсе не так безобидно, как Владимир пытался убедить себя и Олю.

Девушка взглянула на него влажными от подступивших слез глазами и сказала неожиданно хрипло, почти грубо:

– Водка... есть?

* * *

Марина Андреевна исчезла. Она не появилась ни в этот день, ни на следующий...

Это было приблизительно в десять утра, во двор Илюхиного двора въехала черная «Волга», за рулем которой сидел лейтенант Бондарук.

К тому времени пробудился только Свиридов. Нельзя сказать, что его самочувствие было оптимальным, но при помощи холодного душа, бутылки пива и специального коктейля на основе куриных яиц, вызывающего подъем сил, он привел себя в форму и сел завтракать, перед тем растолкав перепившего накануне пресвятого отца Велимира.

В квартире Ильи ночевала и Оля. Она тоже, мягко говоря, не рассчитала своих сил в плане употребления спиртосодержащей продукции и уже к девяти вечера ходила по синусоиде, а потом написала струей баллончика с краской на двери своей квартиры: «Мама, я у Володи».

Свиридов, будучи по характеру достаточно веселым и коммуникабельным человеком – иногда даже чересчур, – все же не принял участия в пьянке Оли, Ильи и отца Велимира. Владимир давно заметил, что уже после третьей Ильи и Афанасий приобретают почти идиллическое сходство во взгляде на жизнь и спаиваются в дружную компанию.

Свиридов не стал присутствовать при этом: природная беззаботность, в свое время задуманная «Капеллой» и только в последние годы начавшая еще как-то реанимироваться, изменила ему. Он не видел, как пьяный Илюха, столько натерпевшийся за этот день, прыгал на одной ножке вокруг истерически хохочущей Ольги и пел гнусавым голосом кукольного паяца: «Был беспечным и наивным чиррипаху юной взгля-а-ад... фсе-о-о вокруг казалось дивным... ы-ы-ы... триста лет та-аму назад!»

Свиридов не видел и не слышал, как отец Велимир громогласно хохотал над очередной серией эмтвишных мультипликационных идиотов Бивиса и Баттхеда и, подражая одному из них, кричал продолжающему клоунаду Ильи:

– Слышь, баклан, это полный отстой!

Свиридов ушел в пустую квартиру Марины Андреевны и ночевал там. Правда, Оля пыталась нарушить его уединение незамысловатыми предложениями присоединиться к компании или – еще лучше – к ней одной. Говорилось это таким откровенным тоном, что Владимир

понял слово «присоединиться» буквально – в самом что ни на есть грубом и утилитарном смысле: по принципу «сегодня на орбите произошла стыковка станций „Мир“ и „Союз—Аполлон“...

На эти предложения Свиридов повернулся лицом к стене и сделал вид, что спит.

Глава 6

Настоящее лицо Кардинала

В служебной машине, которую, как упоминалось, вел Бондарук, пресвятой отец начал клевать носом. Конечно, пить и черт-те чем заниматься до трех утра, а потом встать спозаранку – как именовал время до полудня сам отец Велимир – это не проходит даром и для самого богатырского здоровья. Бондарук то и дело косился на Фокина и морщился, улавливая сногшибательные волны перегара, исходившие от него.

Подполковник Панин встретил их во дворе специальной базы ОМОНа, где готовилась группа захвата в составе семи человек во главе с капитаном Купцовым. Подполковник разговаривал по телефону с вице-мэром и получал последние указания.

– А, Свиридов, – проговорил он, – как готовность?

Владимир кивнул, а Фокин синхронно промычал что-то маловразумительное, отчего Панин недоуменно поднял брови.

– Это Свиридов, – сказал он в трубку «мобильника», – к телефону? Одну минуту. Тебя... Козенко, – он протянул трубку Владимиру.

– Ну что, Владимир, как готовность? – услышал Свиридов голос вице-мэра.

– Ну надо же! – откликнулся Владимир. – То же самое сказал мне и Панин. Готовность прекрасная, Андрей Дмитриевич.

– Придерживайтесь всех инструкций Панина, и тогда все будет в порядке, – напутствовал зам градоначальника. – Я имею в виду твою последующую жизнь. Ну, с богом!

И его превосходительство господин вице-мэр дал отбой.

– Выежаем через пять минут, – сказал Панин. – В одиннадцать двадцать нужно быть на месте. Свиридов, командуешь второй группой. Я уже представил ребятам тебя и Фокина как московских специалистов по нейтрализации террористов.

– А первая группа? – спросил Владимир.

– Там я и Купцов. Вот тебе передатчик, будем координировать действия групп. Ясно?

– О том, что не совсем ясно, я спрошу у тебя, Панин, после операции, – сказал Свиридов. И толкнул в бок засыпающего на ходу Фокина.

...В группе Свиридова оказалось пятеро рослых ребят мрачного вида, в черных масках, в камуфляже и с автоматами, а также один знакомый тип в гражданском – уже фигурировавший ранее лейтенант Бондарук. То, что в группу был назначен Бондарук, откровенно удивило Владимира. Он не думал, что лейтенант имеет какое-то понятие о силовых методах работы, исключая разве что профилактику образования почечных камней у задержанных граждан посредством тычков под ребра.

Сейчас Бондарук выглядел куда как боевито, обрядившись в омоновскую униформу и – после некоторого раздумья – прямо на глазах Свиридова натянув на лицо черную маску с прорезями для глаз, носа и рта.

Для доставки на место операции подполковник Панин избрал обыкновенный «рафик» песочно-серого цвета, без всяких опознавательных знаков или маячков. В салоне легко помещалось и вдвое больше людей, чем находилось там в данный момент – пятеро спецназовцев, лейтенант Бондарук, Фокин и Свиридов.

Сначала с территории базы выехала машина с первой группой, в которой находился руководитель операции «Капкан» – как громко поименовал ее Козенко – подполковник Панин, находившийся на постоянной связи со Свиридовым. Позывные Свиридова были «Визирь два», а Панина – «Падишах»... вероятно, офицер ФСБ питал слабость к восточной экзотике.

– «Визирь два», я «Падишах». Проверка связи, как слышно? – послышался его голос в передатчике. – Выежаем по графику, – прокомментировал он, – я связался с Ельховым,

с директором комбината Сергеевым и начальником охраны майором Малышевым... Получен беспрепятственный доступ на территорию для твоей группы.

...Ельхово было маленьким поселком городского типа на расстоянии около ста километров от областного центра. Единственной его достопримечательностью был тот самый завод бактериологического и химического оружия, что должен был стать целью для очередного теракта знаменитого Кардинала. К моменту прибытия на место Фокин совсем заснул, а Свиридов исподлобья разглядывал закрытые черными масками лица бойцов и думал, что ведение операции оформлено как-то странно... Особенно непонятно было отставание одной машины опергруппы от другой по ходу трассы на двадцать минут... Неужели так сложно повысить скорость, или же все так и задумано, чтобы одна машина попадала на объект на несколько минут позже?

Он справился об этом у Панина и в ответ услышал:

– Все разъяснения получите на месте. Так предусмотрено планом операции.

– Забавно, – пробурчал Свиридов и отключился.

Ельховский комбинат химического и бактериологического оружия находился всего в каких-то двух-трех километрах от поселка, но доступ к прилегающей территории был несколько затруднен. И это почувствовал на собственной шкуре Свиридов, когда его остановили на КПП, охранявшем единственный проезд на заросшее сорняком поле. За полем на расстоянии примерно километра от КПП виднелся сам объект – комплекс серых двух- и трехэтажных зданий, обнесенный бетонной стеной.

Свиридов вышел из машины навстречу рослому сумрачному парню в бронежилете, который даже не взглянул на Владимира, а только махнул в сторону КПП, откуда уже вальяжно выходил плюгавый старлей в мятой форме и, очевидно, уже навеселе.

– А-а, те, которые впереди ехали, сказали, что еще приедут! – бодро заорал он, не доходя до Владимира примерно пяти метров. – Прроезжай!

Свиридов иронически улыбнулся и, развернувшись, задел плечом некто-то оказавшегося рядом Бондарука, зачем-то вылезшего из машины.

– Бондарук, – окликнул он своего недавнего тюремщика, – а куда это вы направились без санкции руководства?

– Тебя, что ли? – вполголоса пробурчал тот, но поспешил сесть в машину. «Н-да, – подумал Владимир, – если тут такая охрана, то неудивительно, если какие-нибудь террористы в самом деле беспрепятственно проникнут на территорию предприятия и устроят маленькое представление».

– Если бы я был террористом, – сказал он, поворачиваясь к Бондаруку, – и возникни у меня желание отравить всю местность в радиусе сотни километров на ближайшие сто лет, я бы сделал это минут за десять. Такой уровень охраны... наша веселая Пантелеевна из богадельни, называется.

Лейтенант криво улыбнулся.

* * *

Впрочем, с охраной все оказалось не так уж безнадежно, как полагал Свиридов. Въезд на территорию комбината через массивные железные ворота, выкрашенные в бледно-зеленый цвет, контролировался двумя автоматчиками, а с вышки напротив смотрело дуло пулемета.

– Прямо как в концлагере, товарищ майор, – весело сказал он невысокому Малышеву, начальнику охраны комбината, который вышел к машине в сопровождении упомянутых автоматчиков.

Тот посмотрел на Владимира с откровенным недоумением.

– Вышка, – пояснил Владимир, – такие практиковали в концентрационных местах общения.

Майор никак не показал, что осознал что-то из сказанного, а протянул руку, чтобы, вероятно, принять у Свиридова пропуск, но внезапно вздрогнул и отшатнулся, как ужаленный разрядом электрического тока. Озирающийся по сторонам первый автоматчик и второй, обходящий машину кругом, ничего не заметили – ни перекосившегося лица Малышева, ни ошеломления Свиридова, ухватившего сползающего на землю майора за плечи.

Малышев выскользнул из его рук и мягко упал на бок. На спине по зеленой ткани форменной гимнастерки быстро расплывалось, набухало зловещее темное пятно.

В этот момент по земле хлестнула пулеметная очередь, вздыбив фонтанчики сухой пыли буквально в метре от него, Свиридова. Повинуясь годами отлаженному инстинкту самосохранения, Владимир одним пружинистым движением швырнул свое тело в сторону, и вовремя... на том месте, где он только что стоял, заметались сухие серые фонтанчики колобродящей пыли, сулящие смерть. Но сухой треск очереди тут же потонул в грохоте взрыва и визжании стремительно разваливающихся конструкций.

...Пулеметная вышка, на принадлежность которой к концлагерям Свиридов указал Малышеву минуту тому назад, – эта вышка, объятая пламенем, рухнула на асфальтовую площадку перед корпусом завода, и в воздух взметнулся сноп искр.

Лейтенант Бондарук стоял возле машины, из которой один за другим выскакивали те самые пятеро парней в бронежилетах и с автоматами. А в руках фээсбэшника окаменевший Свиридов, прижавшийся к земле возле высокого бетонного бордюра асфальтовой дороги, увидел еще дымящийся гранатомет.

Один из автоматчиков майора Малышева лежал на земле с уже простреленной грудью, и правая рука его в последних конвульсиях сжималась-разжималась на рукояти «калаша».

– Господи!

...Второй автоматчик наставил на него, Владимира, дуло автомата. Вероятно, он рассудил, что Свиридов главный во всем этом дурдоме.

Свиридов перекатился с боку на бок, в движении вынимая пистолет, и по земле хлестнула автоматная очередь. Отлаженный механизм «гроссмейстера смерти» сработал без участия сознания, когда, перекувырнувшись и встав на одно колено, Свиридов выстрелил в оскалившееся испуганное лицо охранника...

– Что это, мать вашу?

Из машины вывалился заспанный Фокин, и его взгляд упал на лейтенанта Бондарука, державшего в руках гранатомет и надрывно кричащего своим людям:

– К корпусу!

– Что это? – скороговоркой пробормотал отец Велимир, и взгляд его мутных красноватых глаз остановился на Свиридове.

– А черт его знает... что-то очень интересное! Сейчас свяжусь с Паниным! – И, выхватывая на ходу рацию, Владимир бросился к Бондаруку.

В этот момент из-за корпуса выехала машина. Свиридов не мог не узнать ее: это был точно такой же серый «рафик», как тот, на котором они сюда приехали.

– Вон машина Панина, – выговорил Фокин, инстинктивно сгибаясь в три погибели. – О черрт!

Этот вопль Фокина слился с нечленораздельным восклицанием Свиридова, попятившегося и прислонившегося к кузову машины. И неудивительно, потому что в эту секунду Бондарук выстрелил из гранатомета, и яркая вспышка пламени на стене корпуса комбината возвестила о том, что ракета угодила именно туда.

Синхронно с грохотом взрыва из машины Панина выскочил капитан Купцов, а за ним один за другим посыпались спецназовцы. Свиридов рванулся было к ним, но в этот момент Купцов вскинул пистолет и несколько раз выстрелил по бегущим от горящего здания и от

отчаянно дымящих останков вышки людям Бондарука. Один тут же упал и, перекатившись несколько раз, неподвижно застыл.

– Наззад! – заорал что есть мочи Бондарук и, швырнув гранатомет на землю, бросился к машине. За ним последовали четверо уцелевших, а вслед им посыпался град пуль.

«Только странный эффект производили эти пули», – мелькнуло в голове Свиридова, когда он машинально пригнулся... Противоречивые мысли спутанным клубком прокатились в измученном недельным запоем вялом мозгу, когда губы сами вытолкнули навстречу бегущему Бондаруку, на лице которого уже не было маски, зато алела свежая царапина:

– Они же стреляют холостыми!

Но слова и самая мысль о холостых патронах тут же растворились, словно их и не было, в накатившей волне холодного бешенства, потому что лицо лейтенанта хищно перекопилось, и он вскинул на Владимира невесть откуда взявшийся миниатюрный пистолет... Свиридов перехватил его руку и с размаху ударил кулаком в висок. Бондарук сдавленно простонал и нырнул под ноги Свиридову. Четверо бандитов – а в том, что это были бандиты, Владимир уже перестал сомневаться – скопом бросились на него, тем более что Свиридов преграждал путь к машине.

Первый даже не успел пикнуть, когда Свиридов перехватил кулак, нацеленный ему в лицо, и рванул руку так, что хрустнули кости, а нападавший пронзительно взвыл. Не отпуская первого, Свиридов ударил ногой по дулу автомата, который поднял на него второй, и следующим ударом полусогнутой ноги отбросил того на асфальт.

В то же самое время Фокин нанес третьему удар, силе которого могла бы позавидовать самая агрессивная, резвая и брыкучая лошадь с трехкилограммовой боевой подковкой на копыте, а четвертого подхватил и швырнул, как малого ребенка, о стену, и это несмотря на то, что тот успел основательно поколебать гранитное равновесие отца Велимира короткой очередью в упор. Впрочем, у каждого уважающего себя служителя церкви имеется освященный господом эксклюзивный кевларовый бронжилет. Отец Велимир всегда относил себя к числу именно таких пастырей.

Расправившись с пятеркой лихих бойцов криминального фронта с такой скоростью, что сложно было не только осознать, но даже хотя бы уловить толику смысла всего происходящего, Свиридов и Фокин встретили подбежавшего капитана Купцова с товарищами звучным агрессивным воплем:

– Стоять!!

– Спокойно, ребята, – заговорил тот, мгновенно оценив существенность приведенных аргументов в виде двух «стволов», направленных прямо на него. – Опустите «пушки», в чем дело?

– Это вы нам объясните, в чем дело, – резко заговорил Свиридов. – А лучше пусть это сделает подполковник Панин. Да... и успокойте своих парней, а то они, судя по всему, у вас очень горячие.

– Спокойно, ребята, – повторил капитан Купцов, который, очевидно, помимо этого односложного призыва ничем путным разродиться больше не мог.

И тут по его лицу – железобетонной хारे непробиваемого идиота – проползло торжество. Нет, даже не мелькнуло коротким отсветом всколыхнувшихся эмоций, а именно проковыляло – медленно, внушительно, основательно, как хромой генерал, страдающий одышкой и геморроем, на смотре строя и песни. Свиридов прочитал это так же легко, как если бы смотрел в раскрытую книгу, набранную терцией или миттелем, то бишь чуть ли не сантиметровыми шрифтами для подслеповатых.

Свиридов открыл было рот, чтобы сказать, что он обо всем этом думает... но губы внезапно дрогнули, как пасть вытасненной на сушу рыбы, и он почувствовал, как по всему телу расползается губительное и неодолимое ватное онемение. Он поднес ладонь к горлу и наткнулся на что-то колючее, тонкое и холодное, торчащее у него под левой скулой.

Он вскинул глаза на ухмыляющееся лицо капитана Купцова, и тут словно багровый театральный занавес сомкнулся перед его взором. Последнее, что он почувствовал, это запах молодой травы, по какому-то недоразумению пробившейся сквозь бетон у него под ногами...

* * *

...Он открыл глаза и увидел пронзительно-белый потолок ярко освещенной комнаты. Через несколько мгновений свет померк, и он понял, что потолок вовсе не белый, а скорее грязно-серый и с неопрятными темными разводами, а освещена комната только кровавыми бликами от лампы под толстым багрово-красным абажуром.

«Не иначе филиал преисподней», – подумал он и хрипло рассмеялся. Смех прозвучал неожиданно громко, потому что сидевший в угловом кресле человек пошевелился и оторвал взгляд от экрана телевизора.

– Очнулся... босс? – Голос его прозвучал с откровенной издевкой. – Пора бы уже.

– Сколько я так? – Владимир приподнялся на одном локте, мельком глянул на наручники, которыми был прикован к железной кровати, и вопросительно посмотрел на человека в кресле. Небритый юнец лет двадцати двух, с мерзкой мелкоуголовой харей и шрамом на лбу. Н-да...

– Да уж трое суток, – словоохотливо ответил тот. – По ходу переборщили с дознякам влегкую.

– Игла с парализующим ядом? – Свиридов облизнул губы и сел, чувствуя во всем теле невыразимую слабость. В голове шумело, ватный язык вяло ползал по губам и небу, отказываясь вести и координировать процесс артикуляции, попросту – говорить. – Это что-то новенькое... последние разработки в этом направлении, что ли? – все-таки выдал он.

– А меня е.т? – грубо ответил юнец, разваливаясь перед телевизором. – Ладно, надо позвонить, что его высокопреосвященство соизволил очнуться.

«Слова-то какие знает, – подумал Владимир. – А с какого, интересно, апокалиптического перепугу он меня так титурует?»

– Да, по-любому, – говорил тем временем тот, – ну... Ну че, приезжайте тогда. Все понял.

– Кому... звонил? – выговорил Свиридов.

Тот швырнул телефонную трубку на журнальный столик и, не оборачиваясь, коротко ответил:

– Сейчас сам увидишь.

...Звонок в дверь раздался примерно через пятнадцать минут. Хотя эти пятнадцать минут вполне могли быть и двумя часами, и парой минут, потому как ориентация во времени у Владимира еще не вполне восстановилась.

– Вот он! – прозвучал над ним голос его надзирателя. – Лежит, здоровье поправляет.

– Здоровье на Колыме поправляют, ядрена мартышка! – рявкнул знакомый голос, и Владимир повернул голову.

Прямо перед ним – с забинтованной головой – стоял и нагло ухмылялся лейтенант Бондарук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.